

САНТЬЯГО
КАРРИЛЬО

после
Франко
что?

СЕРИЯ VII-1966

17-18

новое в
жизни

научно-
техническое

МЕЖДУНАРОДНАЯ

**Генеральный секретарь
Коммунистической партии Испании**

Сантьяго КАРРИЛЬО

ПОСЛЕ ФРАНКО— ЧТО?

**ИСПАНИЯ:
действительность и перспективы**

**Издательство «Знание»
Москва 1966**

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Развитие оппозиционного движения в стране и борьба за политические свободы . .	7
За политическую и социальную демократию	43
Экономическое развитие как конкретное историческое явление и как «идеология» империализма и господствующей олигархии	59
Внешняя и военная политика новой демократии	67
Борьба Коммунистической партии за единство антифранкистских сил	70

Перевод с испанского

1—3—2

САНТЬЯГО КАРРИЛЬО

Редактор Л. Е. Погодин
Худож. редактор Е. Е. Соколов
Техн. редактор Л. А. Дороднова
Корректор Т. Д. Ушакова
Художник А. Г. Ординарцев

Сдано в наб. 18/VII 1966 г. Под. к печ. 6/IX 1966 г.
Изд. № 266. Формат бум. 60×90¹/₁₆. Бум. л. 2,5
Печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 4,78. А 00963 Цена 15 коп.
Тираж 72 600 экз. Заказ 2238.

Опубликовано тем. план 1966 г. № 180.
Издательство «Знание». Москва, Центр.
Новая пл., д. 3/4

Типография изд-ва «Знание» Москва, Центр,
Новая пл., д. 3/4.

Введение¹

Опыт последней четверти века подтвердил, что развязывание войны, которая в 1936—1939 годах обагрила кровью нашу страну, унеся миллион жизней и причинив огромные материальные потери, явилось роковым для Испании.

Кто выиграл и кто проиграл в этой войне?

Казалось бы, проиграли ее мы, республиканцы, а выиграли те, кто тогда называл себя «националами».

В действительности же войну проиграла Испания, ее народ. Потерпевшие поражение находились и в одном и в другом из сражавшихся лагерей.

Выиграла же войну лишь горстка крупных финансистов и помещиков, олигархия, стремившаяся сохранить свои привилегии, и несколько сотен или тысяч высокопоставленных чиновников, обогатившихся за счет государственных средств.

Нас, боровшихся в рядах республиканцев, преследовали, уничтожали или высылали за пределы родины. А что стало с подавляющим большинством тех, кто сражался в армии Франко?

Сколько из них признает «своей» победу ныне, при режиме, который изменил своим обещаниям?

Сколько людей было вынуждено в течение этих лет покинуть землю, которую из поколения в поколение поливали потом и кровью их предки? Сколько обездоленных и тех, кто пережил тяготы переселения и эмиграции?

Сколько тех, кому не суждено было осуществить мечты своей молодости?

Что выиграла Испания в результате такой «победы»?

Что выиграла католическая церковь в результате такого «крестового похода»?

Сегодня испанцы удостоверились, что победа Франко была поражением для Испании, которое отбросило страну назад и

¹ Книга печатается с некоторыми сокращениями.

затормозило ее экономическое, культурное и социальное развитие, причинило огромный ущерб ее престижу и влиянию.

Новые поколения, которые не участвовали в войне, по праву не хотят нести ответственности за положение, созданное в Испании в последующие годы. Они не хотят идти по тому же пути и подвергают беспощадной критике измышления, которые им внушаются с колыбели.

Мы ведем борьбу для того, чтобы не допустить победы финансовой и помещичьей олигархии, победы фашистской реакции, а в этом отказе новых поколений идти по этому пути мы видим подтверждение правильности нашего пути и продолжения нашей борьбы.

Но сегодня это чувство удовлетворенности и уверенности, законное после стольких лет преследований и превратностей судьбы, не самое главное. Мы даже и не стали бы об этом говорить, если бы уже не было людей, которые ничего не понимают и которые, думая, что высокие посты, большие государственные оклады и темные сделки являются разновидностями пожизненно «завоеванного права», не зывали бы снова вернуться к использованию «убеждения кулаком и пистолетом» для сохранения своих привилегий.

Сегодня речь идет не о том, чтобы воскресить войну или подготовить реванш.

Сегодня главное — это избавить Испанию от реакционного и фашистского режима, от засилья монополистической и помещичьей олигархии, от тех, кто воспользовался войной в своих корыстных интересах.

Главное сегодня — это объединение всех народных и патристических сил, независимо от того, в каком лагере они сражались в 1936—1939 годах, независимо от того, на чьей стороне были их отцы, с тем, чтобы Испания могла занять достойное место в современном мире.

У наших двух лагерей одна общая потребность, одна общая цель: положить конец диктатуре и восстановить свободу, покончить с вопиющей несправедливостью и социальным неравенством, с господством тех, кто баснословно обогатился ценой жизни миллиона испанцев.

Именно в этом состояла и состоит цель нашей политики национального согласия¹, в этом — благородная и возвышенная цель нашей партии.

И так как это является нашей политической линией, так как мы считаем необходимым покончить с дискриминацией

¹ Политика «национального согласия» была сформулирована КПИ в июне 1956 года. Смысл ее сводился к компромиссу между рабочим классом и другими социальными слоями с целью замены франкистской диктатуры режимом гражданских свобод без нового периода кровавой борьбы и междоусобных войн. (Прим. ред.)

между «победителями» и «побежденными», так как дело не в том, чтобы поменяться ролями и играть в терминологию, а в том, чтобы выработать демократию для всех испанцев, которые, независимо от прошлого, согласны сообща строить при всей сложности и разнообразии общественно-политических воззрений будущую Испанию, Коммунистическая партия выдвинула требование в качестве первого условия эффективных изменений — амнистию.

Амнистию для заключенных и политических эмигрантов: амнистию для обоих лагерей. Если бы завтра в Испании было установлено демократическое правление, при котором мы имели бы какое-нибудь влияние, первой мерой, которую бы мы предложили, несмотря на то, что двери тюрем и границы были бы уже для нас открыты, была бы амнистия, при которой объявлялось бы о том, что никто, независимо от положения, не может подвергаться преследованиям в связи с прошлой войной или прошлой политической деятельностью.

Следует сказать, что когда мы говорим о необходимости политического решения, которое покончит с нынешним режимом, когда мы утверждаем, что то, что придет ему на смену, не должно быть ни продолжением настоящего, ни возвращением к прошлому, мы исходим из того, что невозможно вычеркнуть 25 лет истории, что невозможно отрицать ряд фактических изменений, происшедших за эти годы; мы исходили из того, что, вопреки самому режиму, против которого мы боремся, имели место определенные сдвиги, которые никто не собирается умалять, а наоборот, их нужно развивать и поднимать на более высокий уровень. Это не является каким-либо оправданием франкистского режима. Это — констатация того факта, что объективные законы общественного развития настолько сильны, что в той или иной мере они прокладывают себе путь даже в условиях отсталой и реакционной системы.

Сегодня Испания больше всего нуждается в демократии, в диалоге, но в подлинном диалоге, в котором звучали бы все голоса, в котором высказались бы все, кому есть что сказать, в диалоге без ограничений и без цензуры.

Вся политическая линия компартии учитывает международную обстановку, в которой развиваются события в Испании. Все, что происходит в мире, непосредственно касается и интересует нас. Мы живем в эпоху, когда происходят изменения исключительной важности. Это эпоха национальных и социальных революций, когда возник и развивается социалистический лагерь, в который входит уже треть человечества, когда рушится колониальная система империализма, когда многие народы одерживают победы и строят новые государства, часть из которых направляет это строительство по своим путям, ведущим к социалистическим общественным формам. Исходным пунктом этих удивительных исторических

перемен была Великая Октябрьская социалистическая революция. Наиболее прочной опорой народов в их движении к освобождению является родившийся в этой революции Союз Советских Социалистических Республик.

Мы живем в эпоху, когда мир идет к социализму. Но это движение наталкивается на ожесточенное сопротивление империализма, который, хотя и отступает, все еще располагает огромной силой и может причинить серьезный ущерб прогрессу человеческого общества.

Агрессия против замечательного и героического народа Вьетнама, который ведет упорную борьбу за свою свободу и за мир во всем мире, а ранее агрессия против братской Республики Куба и агрессия против мужественных демократов Доминиканской Республики, являются конкретным доказательством того, сколько еще зла может принести империализм.

Угроза мировой войны, таящаяся в агрессивной и авантюристической политике американского империализма, также самым непосредственным образом касается и нас, испанцев, живущих при режиме, лишенном силы и воли для того, чтобы сделать все необходимое, чтобы Испания могла играть достойную и самостоятельную роль в защите мира и прав народов. Борьба за демократию в Испании является объективно вкладом в дело укрепления сил мира во всем мире, и это сознают широкие слои населения нашей страны.

В сегодняшнем мире общественно-политические преобразования в огромной степени ускоряют научно-технический прогресс. Налицо подлинно научно-техническая революция исторического значения. Мы с детства помним «сапоги-скороходы», производившие на нас огромное впечатление. Эти воспоминания символизируют стремительные темпы пережитой эпохи. В наши дни скорость измеряется новыми величинами. Анализируя проблемы Испании, определяя наши цели, мы руководствуемся стремлением направить нашу страну как можно скорее по тому политическому, общественному и научно-техническому пути развития, который ныне меняет кардинальным образом человеческую жизнь.

Развитие оппозиционного движения в стране и борьба за политические свободы

Субъективный фактор в борьбе за демократию и социализм

Революционная партия имеет перед собой одну постоянную задачу: пересматривать и перестраивать свою политическую и тактическую линию

в соответствии с накопленным опытом и изменениями, происходящими в процессе борьбы. Правильное выполнение этой задачи требует от партии критического анализа реальной действительности и ее сравнения с собственными предвидениями, исходя из нашей классовой и принципиальной позиции как марксистско-ленинской партии пролетариата, интересов широких народных масс, выразителем и авангардом которых мы являемся; интересов Испании, нашей Родины, чье будущее — и это мы прекрасно осознаем — в большой мере зависит от наших усилий.

Речь идет, следовательно, не только о том, чтобы проникнуть в реальную действительность, но и об открытии путей, по которым мы должны направить действия масс, чтобы эти действия приняли такую форму и обрели такое содержание, которые необходимы народу.

Критически рассматривая ориентацию и принципиальные решения нашей партии за последние годы, наши предвидения, мы можем утверждать, не впадая в самообольщение, что практика — этот краеугольный камень, доказала, что наши решения были правильными. Компартия была абсолютно права, разработав свою политику национального согласия, удачно наметив линию развития нового этапа рабочего

движения и тактику, направленную на подъем и расширение борьбы масс, переведя ее из области экономических требований в область политической борьбы. Партия сумела предусмотреть и содействовать развитию выступлений широких социальных слоев одновременно с борьбой рабочего класса. Несмотря на фашистскую диктатуру, на антикоммунистическую истерию, разжигаемую официальной пропагандой, партия превратилась в массовую организацию, пользующуюся огромным влиянием.

Однако значит ли это, что все сделанное нами было правильно, что не были совершены ошибки? Естественно, что в некоторых второстепенных вопросах в работе партии были погрешности, некоторые ошибки. Следует рассмотреть их природу и степень распространения.

Наиболее придирчивые критики упрекали нас в чрезмерном оптимизме в определении темпов и сроков, в субъективизме при оценке реальных возможностей. Действительно, у нас были ошибки такого рода, и мы не собираемся подмывать их успехами.

На VI съезде КПИ (1960 г.) мы подчеркивали катастрофические последствия, которые мог бы иметь для условий жизни народных масс *план стабилизации*¹. Впоследствии нас упрекали в преувеличении, говорили, что такой катастрофы не произошло. Однако в то время речь шла о разоблачении демагогического характера плана, о том, чтобы показать, к чему он может привести, если сопротивление трудящихся масс этому не помешает. Нужно было решительно разоблачить намерение олигархии согнать с родных мест, отправить в эмиграцию, обречь на безработицу миллионы тружеников деревни и города; показать намерение правящих кругов урезать и без того нищенскую заработную плату и увеличить производительность труда за счет изнурительных темпов работы. Для того чтобы вызвать сопротивление грозящей опасности, необходимо было сконцентрировать внимание на этих вопросах. И то, что дело не зашло так далеко, как мы предполагали, не означает, что наши предположения в основном были неверны. Наоборот, это случилось именно потому, что нам удалось организовать действительное сопротивление осуществлению этого плана.

И все-таки миграция, эмиграция и безработица так или иначе затронули миллионы тружеников. Реальная заработная плата была немедленно урезана до 40-процентов. Для «холодных», «реалистически мыслящих» критиков, для «технократов» это не явилось катастрофой, так как они не почувствовали на себе пагубного влияния плана. Они даже писали об оздоровлении финансов; «увеличении производительно-

¹ План стабилизации был разработан в середине 1959 года.

сти труда», «создании условий для экономического развития» и называли положительными результаты стабилизации. Но трудящиеся и их семьи, которые на себе испытали (сколько человеческих и семейных трагедий!) последствия плана, не разделяют этого энтузиазма. Для них это действительно была катастрофа. И если она не приобрела еще больший размах, то только потому, что народные массы объединились и начали борьбу.

Перед VI съездом партии говорили также о провале в 1959 году *лозунга национальной забастовки*. Когда мы выдвигали его, то сознавали проблематичность успеха. Но это не было инициативой эмигрантов. Лозунг был основан на инициативе членов партии в самой стране и поддержан другими группами, чьи силы и реальные возможности мы, несомненно, переоценили. Призыв не достиг своей цели, но, как было сказано выше, ограничил отрицательное влияние плана стабилизации. Произошли невиданные за всю историю франкизма волнения народных масс. Этот лозунг разбудил политическую сознательность трудящихся. Он способствовал такому разъяснению тактики борьбы, которое не могло быть достигнуто за все годы подпольной пропаганды, и позволил выработать перспективу демократического решения перехода от нынешнего режима к демократии. На основе этих «провалов» базируются сегодняшние успехи народного движения. Перспектива всеобщей политической забастовки и национальной забастовки повлияла на ход борьбы рабочего класса последних лет, а также на борьбу студентов, которые с большим успехом использовали оружие всеобщей забастовки.

В последнее время нашлись и такие, которые потребовали от партии снятия лозунга о всеобщей политической забастовке, и, следовательно, национальной забастовке, на том основании, что этот лозунг был выдвинут несколько лет назад и все еще остается не осуществленным. Мы утверждали и утверждаем, что прийти ко всеобщей политической забастовке — задача не из лёгких, и этот призыв не случаен, так как это форма борьбы, в которую выльются все частные выступления, происходящие ныне в стране. Мы со всей решительностью заявляем, что нужно идти к этой цели, но не как к какой-то отдаленной, а как к цели, которую мы должны достигнуть в самый, по возможности, короткий срок, используя первую благоприятную ситуацию, но без опрометчивости и не теряя ориентации. Для этого необходимо, во-первых, чтобы вся партия поняла правильность этого лозунга и приложила максимум усилий для его осуществления, не давая себя деморализовать ни трудностями, ни разговорами о поражённости; во-вторых, завоевать на нашу сторону союзников и народные массы для проведения всеобщей забастовки и осуществлять это активными действиями, политическими разъяс-

нениями; иначе одни, без поддержки союзников и масс, мы не сможем решить эту задачу; в-третьих, мы должны умело использовать все благоприятные условия для приближения сроков и начала самой забастовки.

Нас также обвиняли в «субъективизме» и потому, что с 1956 года мы в ряде документов говорили о *кризисе и разложении режима*. Разве мы не были правы, выдавали желаемое за действительное? Конечно, это могло породить чувство, будто развязка должна произойти быстрее, чем на самом деле. Верно и то, что и нами иногда овладевало такое чувство. Но ведь в действительности кризис и разложение режима тянутся уже довольно много лет. Некоторые расценивали эти явления иначе, чем мы. Они говорили об «изменениях в целях приспособления режима к условиям внутреннего и международного положения». Но, как утверждает сам Хиль Роблес¹, «все изменения и эволюции были просто видимостью»; в действительности они явились всего лишь отражением кризиса и разложения, проявившимся на фоне внутренней и внешней реальности.

Понять это явление нам помогают слова В. И. Ленина, который говорил: «Ошибочно было бы думать, что революционные классы всегда располагают достаточными силами для доведения революции до конца, когда эта революция полностью созрела в силу условий социально-экономического развития. Нет, человеческое общество не так уж рационально и «удобно» устроено с точки зрения появления передовых элементов. Революция может созреть, но силы создателей революционного преобразования могут оказаться недостаточными для доведения ее до конца. Тогда общество разлагается, и это разложение продолжается иногда целые десятилетия».

Мы говорили о реальном факте разложения режима и одновременно делали усилия, направленные на быстреее возрождение революционных сил, демократической оппозиции. Режим может быть ликвидирован, если оппозиционные силы осознают его слабость и свою собственную силу и в соответствии с этим перегруппируются и организуются.

В этом отношении субъективный фактор, то есть деятельность компартии как авангарда, указывающего путь, не имеет ничего общего с так называемым субъективизмом.

Субъективизм особенно опасен, когда он ведет борьбу в такой форме, такими средствами и ставя такие цели, которые не соответствуют условиям определенного исторического этапа. Если бы в 1958 году, когда мы призывали к проведению дня национального согласия, или в 1959 году, когда мы выдвинули лозунг о национальной забастовке, попытались

¹ Видный деятель испанских христианских демократов.

бы организовать вооруженное восстание, то это было бы равносильно катастрофе, это было бы авантюрой. Наши же действия, при их ограниченности и недостатках, помогли больше, чем годы дискуссий и разъяснений о необходимости *поставить тактику единства и массовой борьбы в центр деятельности партии и демократических течений*, о необходимости пропагандировать партию и поднимать ее авторитет.

В настоящее время, вне всякого сомнения, дает себя знать субъективизм другого рода, который может стать большим тормозом для действий и борьбы масс,— субъективизм, выражающийся в *преувеличении прочности и силы режима*. Многие антифранкисты, в том числе часть коммунистов и широкие слои народа, все еще считают режим гораздо более сильным, чем он есть в действительности. Они не представляют себе со всей ясностью процесса его разложения и ослабления и в то же время недооценивают силу рабочего и народного движения, его большие возможности. Это является одним из препятствий в организации борьбы масс с широкой перспективой проведения выступлений, возможность осуществления которых с каждым днем возрастает, в подъеме уровня борьбы и в ускорении движения по пути к всеобщей политической забастовке.

Одной из форм проявления такого субъективизма является преувеличение «фашистского террора», а также методов подпольной работы, которые могут изолировать массы.

Нетерпение как концепция, исходящая из того, что процесс подъема борьбы имеет постоянный характер, без пауз и моментов отлива, когда необходимо перегруппировать и укрепить силы, включая момент общего подъема, напротив, доказывает недialeктическое понимание революционного процесса, что может привести к своеобразной истерии, резким переменам настроений и неоправданной депрессии, к утрате объективности в оценке главного и даже в конце концов к потере перспективы.

Субъективизм имеет еще более пагубный характер, когда под оболочкой «объективности», «реализма», псевдонаучного «анализа» он ведет к пассивности, к отказу от борьбы, к капитуляции перед «всесилием» олигархии, к снобизму буржуазных и неокапиталистических «левых сил», к дезертирству из рядов партии и выступлениям против нее. Субъективисты такого рода уже якобы «не ошибаются» долгое время. Они проповедуют бесполезность революционной деятельности, и ряд фактов, как им кажется, подтверждал их «правоту» иногда в течение длительного времени. Они «правы» до тех пор, пока революция не побеждает. Но наступает момент, когда революция побеждает. И после стольких «удач» это единственное поражение, которое является для них окончательным, повергает их и дискредитирует навечно.

Наш путь был долгим и тяжелым. И сейчас он не усеян розами. Мы пережили мучительное и страшное поражение, сохранив единство. Мы шли медленно, буквально под огнем врага, по пути восстановления и перегруппировки наших сил, сил рабочего класса и испанской демократии. Когда все казалось потерянным, когда некоторые товарищи, которые сражались в наших рядах, утверждали, что «Франко пришел на сто лет», когда волна пессимизма могла охватить арестованных бойцов, которым угрожал расстрел, или заключенных в концлагерях для интернированных лиц, когда гитлеровское наступление в Европе, казалось, настойчиво повторяло о нашем поражении, жестоком и окончательном, мы, коммунисты, с нашим революционным оптимизмом не пали духом, мы поднялись против лавины пессимизма. И мы были правы.

Позднее победа над фашизмом, которой мы также содействовали, не стала, к сожалению, нашей национальной победой. Испанский народ был снова предан из-за «невмешательства» западных империалистических держав, которые забыли о своих демократических обещаниях и начали оказывать Франко помощь. Это были наиболее напряженные годы «холодной войны». Некоторые товарищи дезертировали из наших рядов, запуганные грозой, которая приближалась, пытаясь найти легкий путь. Мы, коммунисты, продолжали борьбу, и наши товарищи знают, каким тяжелым был этот период.

Трудности борьбы побуждали нас иногда делать больший упор на возможности, на положительные аспекты, которые могли породить энтузиазм перед лицом стольких временно преобладавших факторов пессимизма и отречения. При этом мы могли и ошибаться в сроках и темпах. Но я спрашиваю себя: когда эти ошибки наносили ущерб нашей борьбе? Правда, что некоторые, видя, что нарушаются обещанные сроки, могли прийти в отчаяние и прекратить борьбу. Но тогда следует сделать вывод, что эти люди вступали в борьбу не из революционных побуждений, а с намерением занять более выгодные позиции, имея в виду предстоящие изменения, то есть в их побуждениях превалировал карьеризм.

Главным является то, что даже с ошибками в темпах и сроках, *стратегическая и тактическая линия партии подтверждена жизнью и практикой*. Правда, что мы еще не добились победы над диктатурой. Но в настоящее время мы, испанские коммунисты, можем впервые говорить не только о наших усилиях и скромных результатах, о борьбе и жертвах, но и об успехах. И эти успехи — результат разумного подхода, упорства, героизма, проявленных тысячами бойцов — коммунистов на протяжении многих лет. Мы добились этого потому, что наша стратегическая и тактическая линии были правильными, что партия сегодня сплочена воедино,

выстояв перед всеми попытками разрушить ее единство, разбить на фракции, расстроить ее ряды.

Положение режима в настоящее время

Последний период характерен невиданным ранее развитием борьбы народных масс, борьбы за единство, растущей организованностью действий рабочего класса, студентов и интеллигенции, сдвигами по пути к совместной выработке минимальных и неотложных требований оппозиции. Ускорился процесс созревания политической сознательности масс; десятки тысяч испанцев, включившись в забастовки и манифестации, перешли от пассивности к политической борьбе.

Таким образом, мы вступили в этап ликвидации фашистских форм правления, связанных с личностью генерала Франко, этап, который пока что осуществляется медленно из-за сопротивления господствующих социальных групп, не желающих расставаться с режимом, позволявшим им в течение более 25 лет безраздельно осуществлять свое господство.

В связи с растущим разложением и дискредитацией режима эти правящие группы стремятся сохранить его, пока это возможно. Но в то же время в их среде все больше пробивает себе путь тенденция освободиться от наиболее явных фашистских черт диктатуры и попытаться придать ей формальный вид «сильной власти», которая «жертвует свободой ради авторитета», желая ускорить «экономическое развитие» и «вывести» страну из «отсталости». Эти группы хотят представить диктатуру, как «неокапиталистический» режим, утвержденный в стране, которая «не созрела» для политической демократии и нуждается в своего рода «просвещенном деспотизме», в «суровом», но в то же время «патерналистском» правлении над несовершеннолетним народом. Результатом этой весьма поверхностной «эволюции» режима стала невидимость «просвещенного и патерналистского правления», а диктатура типа диктатуры Хорти, предшествовавшей фашистским режимам. Только к этому и привела пока что «европеизация» испанского режима, его попытки «либерализоваться» и «приспособиться» к требованиям времени.

Эта «эволюция», вызванная борьбой масс и потребностями национального развития, осуществляется в условиях напряженных отношений и трений между различными группами, находящимися у власти, и глубокого кризиса политической, экономической и социальной структуры общества. В действительности речь идет о начале пути, ведущего к ликвидации всех форм тоталитарной диктатуры финансово-помещичьей олигархии, к крушению режима, насильно навязанного Испании 26 лет назад.

Групп и лиц, которые привязаны к прошлому франкистского режима и отрицают необходимость перемен в государ-

ственном устройстве, словом, *ультра*, становится все меньше, и они с каждым днем попадают во все большую изоляцию. Эти группы сами раздроблены, и их представление о прошлом, которое им хотелось бы увековечить, различно: ряд старых генералов думает о твердой военной диктатуре, основанной на политике «большой дубинки»; фалангистские бюрократы мечтают о реставрации фашистских мифов о «национал-синдикализме» и «триумфальных» и «ошеломляющих» парадах «голубых рубашек» и «красных беретов». Объективная оценка возможностей этих групп и лиц приводит к выводу, что если они еще не отстранены полностью от власти, то обязаны этим Франко, который их поддерживает, хотя уже не может удовлетворить их и сам удерживается лишь потому, что понимающие неизбежность перемен олигархические группы нуждаются в нем, как в регуляторе темпов и масштабов этих перемен.

Поэтому Франко все еще остается в положении арбитра между теми, кто тянет назад, к прошлым формам режима, и теми, кто нажимает, хотя и слабо, в сторону такой эволюции, которую стали называть «либерализацией». В то же время этот арбитр сам является огромным препятствием для всяких перемен. Правда, положение «каудильо» сейчас более сложное, чем в предыдущие годы, когда в его руках был арбитраж по вопросам раздела власти, не затрагивавший по существу фашистской и террористической направленности режима; это прекрасно устраивало все правящие группы. Теперь же споры о разделе власти ведутся в условиях серьезных противоречий по поводу политического курса. В настоящий момент оттеснение «ультра» привело бы к их ликвидации и к установлению политического курса, который в конечном счете мог бы привести к крушению всей существующей системы.

Утверждая это, мы тем самым признаем, что «либерализация» в нынешних условиях, хотя ее основной целью является сорвать демократические преобразования, назревающие в недрах испанского общества, может представлять собой не только демагогический маневр. В то же время это и не чисто «экономический» курс на ассоциацию с крупными европейскими экономическими объединениями.

Конечно, когда министры из «Опус деи»¹ согласились на мелкие мероприятия по «либерализации» экономики, проводившиеся в соответствии с планом стабилизации, их намерения не шли дальше этого. В политической области эти ми-

¹ «Опус деи» — международная организация Ватикана, так называемое «белое масонство». Светские представители этой организации с 1957 года входят во франкистское правительство. Они выражают интересы части испанской финансовой олигархии; выступают за «европейскую интеграцию Испании». (Прим. ред.)

нистры не имели ничего общего с либералами. Они хотели сменить фалангу, но не имели ни малейшего намерения открыть путь для важных политических перемен. Реакционность министров из «Опус деи» столь же хорошо известна, как и их всепоглощающая жажда власти. Но и их самих влекли экономические тенденции, сковываемые нынешними испанскими порядками, и, желая того или нет, они невольно ускоряли эти тенденции.

Природа этих тенденций ясна. Испанскую экономику, тесно связанную с европейской, втягивает и в то же время валит с ног вихрь европейской монополистической интеграции и концентрации. Втягивает, потому что сила притяжения монополистических гигантов, овладевающих Европой, почти неодолима для нее; валит с ног, потому что эта сила ломает и разрушает слабую структуру промышленности и сельского хозяйства Испании. Эта настоящая экономическая буря совпала с восстановлением сил и активизацией рабочих и демократических течений и объективно ей способствовала. И это показало невозможность подлинной «либерализации» в рамках нынешней политической надстройки.

И когда Фрага Ирибарне¹ объявляет после массовых забастовок весны 1962 года политику «либерализации», то это демагогический маневр, рассчитанный прежде всего на то, чтобы помешать единству в борьбе рабочего класса и его намечающемуся союзу с интеллигенцией и средними слоями. Эта политика рассчитана на то, чтобы посеять иллюзии, помешать объединению революционных сил и течений, выступающих за проведение реформ в общем наступлении против режима, и устранить разочарование и недовольство консервативных кругов, не производя никаких подлинных изменений в содержании режима.

Таким образом, «либерализация» Фраги Ирибарне остается чисто словесным обещанием, не превращаясь даже в полумеру. Проект нового закона о печати, о котором стали опять говорить, откладывался в течение многих лет, потому что даже без его принятия робкие попытки немного ослабить цензуру печати (как в случае с изданием «Тетрадей для диалоса»²) и прошупать почву для изменений, приводят к осуждению основ режима, чего как раз и стараются избежать власти. Столь разрекламированное «смягчение» цензуры выразилось лишь в снятии некоторых ограничений на изображение любовных конфликтов на экране или в книге. Но писатели, драматурги и кинорежиссеры, так же как и рань-

¹ Министр информации и туризма правительства Франко. (Прим. ред.)

² «Тетради для диалога» — журнал, освещающий с католической точки зрения проблемы демократии в Испании. Начал выходить в Мадриде с конца 1963 года. Редактор — Руис Хименес. (Прим. ред.)

ше, если не больше, лишены возможности ставить коренные проблемы. Все больше испанских книг издается за границей.

Реформа различных институтов не идет дальше таинственных намеков и перемигивания. «Диалог» между правительствами и управляемыми по-прежнему остается монологом первых или, в той мере, в какой управляемым удается промолвить словечко через щели цензуры, диалогом глухих.

Но развитие политической сознательности и борьбы масс с весны 1962 года привело не только к разоблачению демагогии «либерализации» Фраги Ирибарне и его ставленников, но и приводит к фактическому внедрению — без правительственных законов и министерских распоряжений — политических изменений, которые, хотя и остаются еще под запретом, пока не будут закреплены более основательными изменениями, все же представляют собой важную эволюцию. Эта эволюция и изменения тем более важны, что они свидетельствуют о том, что перед лицом франкистской власти *формируется и утверждается новая власть*, хотя еще и не законная, подверженная колебаниям и случайностям, но идущая по восходящей линии: власть демократических сил, власть народных масс.

Демократические завоевания этого периода

В чем состоят политические изменения, которых добилась зарождающаяся власть, противостоящая установленной диктаторской власти?

Во-первых, забастовки 1962 года и последующая цепь забастовочных выступлений и демонстраций рабочих, которые в той или иной форме не прекращаются до сих пор, сорвали блокирование заработной платы и рамки ее увеличения, на которые столько труда потратили авторы плана развития¹. Если бы имелись статистические данные о миллионах потерянных рабочих часов и о числе забастовщиков и демонстрантов, они показали бы, что Испания, несмотря на наличие фашистского режима, является одной из тех капиталистических стран, где классовая борьба за эти последние три года достигла наибольшего развития. Говоря в общих чертах, рабочий класс, несмотря на пагубные последствия плана стабилизации, добился сокращения в разрыве между уровнем заработной платы и ценами, выправил, а в некоторых случаях

¹ К осуществлению четырехлетнего плана экономического и социального развития Испания приступила с начала 1964 года. План базируется на привлечении в страну иностранного капитала, на поступлении доходов от иностранного туризма и денежных переводов экономических эмигрантов своим родственникам в Испании, на превышении экспорта над импортом. Что же касается других внутренних источников, то основная тяжесть расходов в виде налогов ложится на плечи трудящихся. (Прим. ред.)

и улучшил свое материальное положение. Сельскохозяйственные рабочие активно участвовали в борьбе и тоже добились увеличения заработной платы.

Политические последствия этих выступлений, в том числе и тех, которые формально имели лишь экономическую цель, весьма значительны. Олигархия и правительство вынуждены были отступить перед силой рабочего движения и народной солидарностью с ним. Их уступки компрометировали и компрометируют на каждом шагу экономическую политику режима и олигархии и, следовательно, расшатывают основы режима.

Во-вторых, сила борьбы масс вызвала к жизни новые независимые, единые и классовые организации рабочего движения. «Вертикальные профсоюзы»¹, как можно было предвидеть, проявили свою неспособность преобразоваться и снова стать представительными. Но проведение реформы, которую они не осуществили, взяли на себя трудящиеся в *рабочих комиссиях*. Эти комиссии нелегальны, но постепенно завоевывают себе статус де факто. Предприятия и власти вынуждены вести с ними переговоры. Комиссии показывают себя эффективным органом борьбы трудящихся. Можно предвидеть, что рабочие комиссии в более или менее короткий срок распространятся на весь рабочий класс и их пример послужит стимулом — как уже имело место среди студентов — для появления и среди других слоев населения, в первую очередь среди крестьянства, многочисленных подобных органов единства и действия.

Создание комиссий и вытеснение официальных профсоюзов, которые теряют свою силу принуждения в отношении масс и ту роль, которую они играли в рамках фашистских политических структур, уже представляют собой глубокое изменение положения в стране.

В-третьих, завоеванием большого значения явилось распространение забастовки как обычного факта, хотя и не как установленного законом права. В течение последних лет трудящиеся проводили забастовки, невзирая на все фашистские запреты. В этих условиях министр труда правительства Франко заявил не так давно в Международном Бюро Труда в ответ на настойчивые требования рабочих представителей различных социалистических и капиталистических стран, что франкистский режим разрешит экономические забастовки. Фактически до настоящего времени и по этому вопросу имеет-

¹ Национальная синдикалистская конфедерация (КНС) создана на основании законов от 26 января и 6 декабря 1940 года. КНС, или «вертикальные профсоюзы», носит корпоративный фашистский характер и является единственной официальной организацией рабочего класса. «Вертикальные профсоюзы» объединяют предпринимателей, инженерно-технических работников и рабочих. (Прим. ред.)

ся только одна поправка, смягчающая статью кодекса, которая приравнивала любую забастовку к мятежу, хотя определение характера забастовки по-прежнему зависит от произвола властей. Это еще ни в коей степени не является подлинным признанием права на забастовку, юридической гарантией для трудящихся. И все же это, по существу, показывает бессилие франкизма и является еще одним свидетельством тех глубоких изменений, которые происходят в Испании. Наряду с забастовкой трудящиеся фактически заставили признать манифестации и собрания рабочих и их представителей. Это тоже завоевания большой важности.

В-четвертых, одним из глубоких изменений обстановки является развал студенческого фашистского союза СЭУ¹ и его вытеснение свободным и единым движением студентов, создаваемым снизу, с его собраниями, демократическими комиссиями на всех уровнях, которые готовятся к проведению национального демократического съезда студентов. Участие СЭУ предвещает судьбу, ожидающую и «вертикальные профсоюзы».

В-пятых, произведены изменения в системе репрессивного аппарата с упразднением Военного трибунала, руководимого полковником Эймаром, типичного органа фашистского террора, и установлением 72-часового предельного срока для предварительного заключения. Как известно, раньше арестованные в течение недель и месяцев подвергались самым диким пыткам в полицейских застенках. В этом отношении, хотя и нельзя исключить возможность зверского, типично фашистского обращения, учитывая влияние ультра, нынешние репрессии в Испании уже нельзя полностью уподоблять тому фашистскому террору, который применялся в прошлом.

Разумеется, это не единственные завоевания движения масс за указанный период; но мы их перечисляем потому, что именно они представляют собой начало тех навязанных борьбы изменений, которые затрагивают политическую структуру режима. Среди битв, которые привели к этим переменам, выделяются забастовки и большие демонстрации рабочих в Астурии, Стране Басков, Мадриде, Каталонии, Андалузии, Леванте и других районах; широкие и боевые студенческие демонстрации; борьба политических заключенных в Бургосе, Мадриде и в тюрьмах других городов; протесты и демонстрации женщин, хотя еще и ограниченные; открытые требования рабочих, интеллигенции и студентов. Иными словами, демократической борьбой удалось достигнуть намного больше того, на что позволяли надеяться демагогические обещания «либерализации». Кто не понимает, что эти изменения в структуре режима завоеваны именно борьбой масс, низов,

¹ Испанский университетский синдикат. (Прим. ред.)

тот не понимает ничего в том, что сейчас происходит в Испании.

Конечно, пока существует франкистский режим, эти завоевания не будут закреплены, и только нарастание борьбы масс будет их укреплять и расширять.

В ходе выступлений, которые привели к первым крупным успехам движения масс, произошло *сближение наиболее активных и связанных с массами деятелей различных оппозиционных течений*. Совместные действия рабочих отдельных предприятий и целых отраслей промышленности, борьба в университетских и интеллигентских кругах сблизили католиков, социалистов, синдикалистов, коммунистов, демократов, которые установили между собой сотрудничество и взаимопочтение. Многие люди, более или менее подверженные антикоммунистическим предрассудкам, увидели, каковы коммунисты на деле, и узнали в процессе борьбы проявленные ими верность, солидарность, бескорыстие и самоотверженность. На основе самого движения масс стала зарождаться общая воля к дополнению первых шагов к единству другими, более решающими шагами, приведшими к заключению общего политического соглашения, которое координирует действия всех сил и всех общественных слоев и классов, выступающих против диктатуры. Выражением этой тенденции является, например, документ 1160-ти, подписанный рабочими и представителями интеллигенции всех политических течений.

На протяжении этого периода антифранкистская оппозиция претерпела важные изменения. Она уже не ограничивается, с одной стороны, несколькими группами более или менее выдающихся, но не связанных с массами личностей, а с другой — организациями Коммунистической партии. *Сегодня демократическая оппозиция представляет собой большую массовую силу*, которая находит выражение в совместных действиях и коллективных петициях. Это — реальная сила, и в недалеком времени она может превратиться в неодолимую силу.

Пределы «либерализации» В таких условиях «либерализация» как демагогический маневр зашла в тупик, а Фрага Ирибарне как глашатай этой политики дискредитировал себя. В обстановке роста демократических сил франкистская политика направлена на то, чтобы все оставить без изменений. Национальные проблемы поэтому остаются нерешенными. Однако целый ряд лиц, связанных с олигархией и имеющих политические и деловые связи с международным капиталом и финансовыми кругами, пришли, по-видимому, к выводу, что надо попытаться перевести «либерализацию» из области демагогии в область конкретных дел, с тем чтобы ликвидация франкистской диктатуры не повлекла за собой ликвидацию моно-

полистических вотчин и латифундий, чтобы при этом сохранился максимум нынешних социальных структур.

Отсюда ориентация этих людей на связь господствующих классов Испании с европейским монополистическим капиталом, на ассоциацию с Общим рынком, а в будущем и включение в него, и на проведение внутри страны политики поэтапного предоставления некоторой свободы слова и собраний. Подобные мероприятия позволили бы этим группам попытаться превратиться в политические партии. Вместе с этим открылись бы известные возможности для деятельности оппозиционных групп, чья политика не угрожает основам нынешнего «общественного порядка». Темпы этого процесса должны быть как можно более медленными. Какой государственный строй должен фигурировать на вывеске? Предпочтительно монархия, а если это будет невозможно, то республика во главе с президентом, очень похожая на монархию.

Все силы этого движения связаны с существующим режимом. Фигуры, подобные Эмилио Ромеро¹, позволяют предугадать возможную эволюцию бюрократов режима, если возникнет конкретная ситуация подобного рода. Ряд политиков, технократов и чиновников считает, что в ближайшей перспективе это единственное решение, и они готовят его. Их основной аргумент — острота экономических проблем и размах демократического движения и борьбы масс.

Нельзя сказать, чтобы эта «либерализующая» группа имела ясное представление о том, как разрешить нынешние экономические проблемы без глубокого преобразования экономической структуры страны. Но принципиально их расчет очень прост: франкистский режим, в его нынешних формах, представляет собой препятствие для занятия выгодных позиций в европейских организациях и на европейских рынках, а также для получения кредитов и капиталов на благоприятных условиях. Нужно «европеизировать» его, придать ему «либеральную» окраску; с этого момента придет «понимание» внешнего мира, а с ним и «манна небесная». Эта «манна» сгладит острые социальные противоречия; уровень жизни поднимется, будет создан слой зажиточных людей в городе и в деревне и предотвращена угроза революционных демократических преобразований. Испания получит доступ к «промышленному обществу», к «обществу изобилия».

В худшем случае, думает эта «либерализующая» группа, следуя по ее пути, при подобном режиме можно было бы открыть дорогу перед частью антифранкистской оппозиции, чьи воззрения на развитие совпадают с ее взглядами. Так удастся избежать более значительных неприятностей и создать гра-

¹ Видный деятель «вертикальных профсоюзов», директор центрального органа «вертикальных профсоюзов», газеты «Эль Пуэбло».

ницу; горизонт, как сейчас говорится, дальше которого уже нет возможности двигаться.

По существу, эта политическая «смелость» части олигархии появляется с опозданием на двадцать лет. Если бы в 1944 году, когда поражение держав оси было обеспечено, финансовая олигархия избавилась от господства Франко и фашистских групп и осуществила бы структурные перемены, включившись в орбиту капиталистических держав — участников победы над Гитлером, многие люди, страдавшие от последствий войны и репрессий, восприняли бы эту перемену с чувством облегчения. Революционные и демократические силы были тогда очень ослаблены. С меньшими препятствиями и большими возможностями олигархия могла бы интегрироваться в европейскую капиталистическую экспансию послевоенного периода, воспользовалась бы планом Маршалла и другими мерами, которые способствовали перестройке европейского капитализма. Может быть, монархия как форма правления потеряла тогда единственный шанс превратиться в оплот правящих классов под видимостью режима «согласия» и «гражданского мира».

То, что, возможно, в тот момент давало «либеральной» части олигархии серьезные шансы, она пытается испробовать через двадцать лет. Если эта попытка будет предпринята, она уже не будет, как могло бы быть тогда, проявлением политической инициативы и способности к маневрированию, а будет свидетельством того, что разложение господствующих классов, как и институтов и организаций, на которых держится режим, еще более серьезно, чем кажется со стороны.

«Либерализующая» группа, как кажется, питала надежды на то, что затянувшийся правительственный кризис даст ей возможность осуществить перемены, за которые она выступает. Но в начале июля 1965 года испанцы неожиданно узнали, что «каудильо» «реорганизовал» свое правительство и «какие-то неизвестные» (неизвестные для громадного большинства народа) сменили «экономических» министров и министров юстиции. В то же самое время было опубликовано высокопарное заявление «нового» правительства. Первый вывод, который можно сделать, состоит в том, что «надежды» «либерализаторов» (если они действительно питали надежды) не оправдались. «Пусть будет все по-прежнему» — остается священным принципом режима и олигархии.

Несомненно, Франко знает, что если бы он открыл дорогу перед «либерализующей» группой, с каким бы благоразумием и осмотрительностью это ни делалось, в политической обстановке, создавшейся после крупных массовых выступлений последнего времени, это могло бы прозвучать как клич «спасайся кто может», ускорить разброд и запустить механизм

перемен, который трудно было бы остановить. Поэтому заявление «нового» правительства, полное обещаний разрешения всех национальных проблем, никем не было воспринято всерьез. Редко слова расходились с делом так разительно, как в этом случае. Кроме того, хорошо известно, что франкистский режим никогда не скупился на обещания. Тем не менее, важно подчеркнуть одну деталь, а именно: в заявлении затрагиваются как раз те темы, которые правительство демократического направления должно было бы поставить и попытаться решить сегодня. Если ясно, что «новое» правительство не сделает этого, не менее ясно и другое: даже Франко и его друзья не могут отрицать, что эти темы, эти проблемы требуют решения; с их стороны это является явным признанием наличия глубоких национальных течений в пользу перемен.

Быть может, к двум пунктам в заявлении следовало бы отнестись более внимательно и серьезно. Это, во-первых, стремление по-прежнему использовать военные, сухопутные, морские и воздушные силы — к единству которых призывают — в качестве «блюстителей» «мира в Испании», то есть в качестве жандармов, стоящих на страже франкистских порядков; и, во-вторых, решение «держаться крепко, как до сих пор, перед лицом подрывных требований и махинаций извне»; этой формулой обозначается в Испании всякое проявление несогласия или оппозиции.

Франко не решился пойти на риск «либерализующего» решения кризиса также и потому, что шаги, которые режим вынужден был бы предпринять, могли создать условия для расширения и развития демократического движения масс. Щели, которые были бы открыты в результате этой попытки, были бы превращены борьбой народных масс в широкие двери.

Следовательно, то положительное, что могла дать «либерализующая» формула перехода, состояло в том, чтобы дать конкретную возможность демократического преобразования Испании без насилия, путем могучего движения масс и различных демократических сил.

Однако личные качества Франко и руководителей ультра, окружающих его, отвергают это решение; эти люди не хотят перейти от чистой «либерализующей» демагогии к конкретным, хотя бы и ограниченным, мерам либерализации. Логика ультра по отношению к сторонникам либерализации проста и соответствует чисто военной традиции гражданской войны: «Вы предлагаете отступление, но не говорите, до какого места мы будем отступать. На какой линии мы будем организовывать оборону? На какой линии мы скажем: ни шагу назад?»

Доказательством того, что «каудильо» и ультра не реша-

ются сделать шаги, которые пошли бы в смысле либерализации дальше демагогии, являются слухи, согласно которым готовится референдум по вопросу о «разделении власти» между главой государства и главой правительства и «реформы» национального движения. Предлагать теперь подобные «решения», которые «каудильо» выдвигает вот уже восемнадцать лет, как только заходит речь о серьезных реформах, действительно смешно. Это было бы попыткой снова отсрочить решение назревших проблем. Этот референдум или любая пародия на «народный опрос», проведенные в условиях режима Франко, не имели бы никакой законной силы. Оппозиция должна разоблачить и, несомненно, разоблачит любую попытку подобного рода.

Однако упорство в сохранении вещей неизменными — синоним обострения склероза не только самого режима, но и господствующих социальных групп и, следовательно, чревато опасностями, которые покончат с болезнью и с больными. Господствующие социальные группы ошибаются, думая, что «всегда есть время» для «либерализующей» попытки. Времени остается все меньше и меньше, а эти попытки каждый раз еще более дискредитируют эти группы.

Кажущаяся ловкость, с которой Франко не решил кризис, а лишь отложил его решение, сменив наиболее скомпрометировавших себя министров их заместителями или другими высокопоставленными чиновниками, не должна обмануть никого. Мы сейчас действительно наблюдаем последние фазы тиранического режима. Если восстановление рабочих и демократических сил и оформление оппозиции будут продолжаться такими же темпами, как в последнее время, то развязка уже не за горами.

В то же время *последние фазы обреченной диктатуры наименее поддаются предвидению, вызывают беспорядочные толкования и меньше всего укладываются в какие-либо заранее установленные схемы.* Поэтому не удивительно, что наряду с широко проявляющимися антифранкистскими настроениями, наряду с быстрой политической активизацией десятков тысяч мужчин и женщин и особенно молодежи существует большая путаница в отношении того, как покончить с диктатурой. Эта путаница порой сбивает с толку даже и некоторых наших товарищей.

В условиях такой путаницы появились известные попытки свернуть нашу партию на путь политики «либерализации», который высокопарно окрестили «испанским путем к социализму». При этом спекулируют на «деполитизации» масс, которая произвольно преувеличивается после двух с половиной десятилетий диктатуры. Эта «деполитизация» сегодня более кажущаяся, чем реальная. Не хватает лишь средств, при помощи которых могла бы выразиться политическая во-

ля масс. Доказательством пробуждения и политизации масс служит их недоверие к любой инициативе режима и растущая борьба за то, чтобы получить новые средства выражения своей воли. Кризис традиционных партий и организаций и трудности, которые встречают на своем пути некоторые более или менее новые группы, происходит не столько от «деполитизации», сколько от отсутствия свободы и от упрощения данных, на основании которых формируются сегодня политические убеждения масс.

Действительно, в настоящее время массы не слишком верят словам и некоторым «личностям». Для них имеют значение факты. Политический выбор упрощается. Массы хотят глубоких социальных и политических изменений и понимают, кто может действительно их осуществить. Другое дело, что только меньшинство, только авангард ясно видит, *как* их осуществить. Это понимание придет ко всему народу тогда, когда он окажется втянутым в борьбу, когда он увидит, что его сила играет решающую роль. Отсутствие такого понимания в настоящее время — это объяснимое явление, которое определяет некоторые наши политические задачи в отношении разъяснительной работы в нашей деятельности.

В конце апреля 1917 года, говоря о глубоком желании народных масс России положить конец империалистической войне и добиться мира и о трудностях, существовавших в отношении мобилизации масс для этой цели, В. И. Ленин говорил, что указанные трудности происходили от неясности для масс, каким способом большевики думали окончить войну, было неясно, что делать. И Ленин требовал от марксистов более популярного, более доступного народу языка и политической деятельности, которая постепенно подвела бы народ к желаемой развязке. Это происходило в апреле. В октябре того же года большевики взяли власть. Россия вышла из войны.

То, что неясно для масс, как будет ликвидироваться диктатура, что в народе есть «полное непонимание» этого — хотя сейчас я даже не стал бы утверждать это, — не должно нас удивлять. Однако *сегодня решающим является то, что этот вопрос должен быть ясен для коммунистов, что мы не должны запутываться в абстрактных теоретических спорах, не должны позволять уводить себя в сторону. Мы должны прочно ухватиться за ряд основных звеньев, ясно показывая народу дорогу.*

Вопрос сейчас не в том, чтобы начинать спор о формах, которые примет ликвидация франкизма, и тем более переоценивать его возможности и возможности олигархии, а в том, чтобы учитывать реальную обстановку на данный момент для того, чтобы двигать вперед, организовывать и объединять демократические массы и организации, вооружая их созна-

нием своей силы и демократических целей, соответствующих данному этапу, и поднимая их на борьбу.

Роль экономических и политических требований в развитии массового движения

Прежде всего хочу подчеркнуть ту *существенную роль, которую продолжают играть экономические требования рабочего класса для его еще большего объединения, организации и мобилизации.* Мы добились значительных результатов в деле мобилизации трудящихся, особенно горнорудной промышленности и черной металлургии. Были достигнуты успехи и в других отраслях, хотя и меньшего масштаба. Но нельзя упускать из виду, что тем звеном, которое позволило нам привлечь массы металлургов и шахтеров к борьбе такого крупного размаха, была детальная разработка их экономических требований и развертывание борьбы за них в качестве конкретной цели на первом этапе и в качестве существенной части последующих целей, когда движение начало предъявлять также в открытой форме политические требования.

Этот опыт показывает, что развитие рабочих комиссий и вообще единства и борьбы в тех отраслях промышленности, где активность еще не столь высока, должно идти путем детальной разработки экономических требований трудящихся, занятых в этих отраслях. Мы считаем, что эта разработка не должна ограничиваться лишь общими для всей отрасли требованиями, хотя их формулировка и является решающей для объединения и расширения движения; считаем, что важно разработать детально для каждой шахты, каждого предприятия, каждого места работы возникающие на них частные требования и уметь связать их с требованиями более общего характера. Любая попытка перескочить этот этап в развитии движения, любая идея о том, что передовые отрасли промышленности одним лишь своим примером смогут дать толчок отстающим отраслям, является нереалистичной. *Совершенно необходимо разработать на каждом предприятии, в каждой отрасли промышленности программу и нужную тактику для того, чтобы мобилизовать эти конкретные слои рабочего класса и способствовать их сплочению и сближению с наиболее передовыми отрядами рабочего движения.* Умение коммунистов организовывать трудящихся будет проверяться именно в этой области работы.

То, что относится к промышленным рабочим, пригодно и для трудящихся деревни. Об этом я буду говорить ниже. Хочу добавить, что одновременно мы не должны также упускать из виду и студенческое движение. Хотя оно и добилося значительных успехов в отношении размаха и сплоченности и уже охватывает широкие массы студентов всех университетских центров страны, этот результат не должен ни в коем

случае заставить нас отказаться от выдвижения конкретных специфических студенческих требований, которые должны быть включены в борьбу за создание нового демократического профсоюза студентов. Гарантия сохранения и укрепления сплоченности, единства и боевитости студентов состоит в умении сочетать высокую политическую цель, заключающуюся в создании новой демократической организации, а также конкретную работу, связанную с ее осуществлением, с постановкой различного рода специфических требований, выражающих интересы студенческой массы.

Нечто подобное можно сказать в связи с движением интеллигенции и деятелей искусства и культуры, а также людей свободных профессий. Значительная часть интеллигенции активно участвует в политических выступлениях, принимающих различные формы, среди которых не последнее место занимает подача петиций. Солидарность с рабочим движением, проявленная интеллигенцией, деятелями искусства и людьми свободных профессий, является показателем их большого политического чутья и растущего сознания того, что интеллигенция и работники физического труда имеют одни и те же основные интересы, несмотря на различия в их труде.

Однако, оценивая эти качества выступлений интеллигенции, было бы глубоко ошибочно недооценивать выдвижение специфических требований, выражающих ее нужды в современной обстановке. Мы не должны забывать, что интеллигенция шла к борьбе за свободу, подталкиваемая своей специфической необходимостью к свободе для творческой деятельности, что означает отмену цензуры, ограничений и запретов, наложенных господствующими группами. Мы не должны забывать также, что большая часть интеллигенции, деятелей искусства и культуры и людей свободных профессий восприняла близко к сердцу протесты рабочих против невыносимых условий существования и начала разделять их потому, что она сама находится в невыносимых материальных условиях в одних случаях и в условиях, не соответствующих их роли в обществе, в других. Значительная часть интеллигенции не в состоянии обеспечить свои нужды творческим трудом и вынуждена сочетать его с различными дополнительными работами, которые давят ее способности. Некоторая часть преподавателей, деятелей искусства и культуры может прожить за счет своего труда, но и они испытывают экономические затруднения, препятствующие выполнению их специфических задач. Мы должны уделять по-прежнему большое внимание этим конкретным вопросам.

Но перед народными массами стоят очень острые экономические проблемы другого рода. Испанцы сталкиваются с недостатками в области здравоохранения, благоустройства, народного образования и с дороговизной жилья. Помимо

этого, растущая, как снежный ком, дороговизна жизни ставит перед женщинами — домашними хозяйками неразрешимые головоломки. Несомненно, умение уделять должное внимание этим вопросам, выдвигать их повсеместно и постоянно в убедительной и подходящей форме и показывать, как нужно объединяться и организовываться для их разрешения, представляет собой дополнительную задачу любой работы по мобилизации масс и их подъему на сознательную и упорную политическую борьбу.

С другой стороны, экономические затруднения испытывают не только трудящиеся, крестьяне, студенты, интеллигенция и деятели искусства. Перед большими трудностями стоят и средние слои, мелкая и средняя буржуазия, немонополистические промышленники и торговцы. Партия пролетариата, демократические группы должны уметь помочь этим социальным классам и слоям сформулировать их демократические и антимонополистические требования и организовать для борьбы за их осуществление. Таков путь, по которому следует идти, чтобы как можно быстрее создать союз всех сил, выступающих против диктатуры и монополий.

Землю — тем, кто ее обрабатывает.

Испанская деревня нуждается в особом внимании со стороны партии и демократических сил. Вероятно, никакой другой социальный слой в нашей стране не ощущает так остро последствия политики режима, как крестьяне и сельскохозяйственные рабочие. Вероятно, ни один социальный слой не испытывает такого гнева и возмущения. Сельскохозяйственные рабочие и крестьяне буквально задавлены политикой нынешнего режима. В 1965 году безработица в деревне была ужасающей. В этом году она будет, вероятно, еще больше. Обнищание и разорение крестьян, вынужденных покидать массами свои земли и дома, принимают страшные размеры. Хотя в деревне и имели место значительные политические и экономические выступления сельскохозяйственных рабочих, они все же ни в какой степени не отражают возмущения, царящего в нашем сельском хозяйстве.

«Технократы» и оппортунисты, сводящие все понятия прогресса к «экономическому развитию», могут шумно выражать свое ликование в связи с сокращением сельского населения, не задумываясь над бесконечными семейными, человеческими и социальными трагедиями, вызванными той формой, в которой осуществляется этот процесс. Мы, коммунисты, не можем идти по этому пути. Мы знаем, что экономическое развитие нужно связывать с социальным и гуманным прогрессом и что за него нужно бороться. Поэтому *мы должны сосредоточить еще больше наших усилий в деревне.*

Имеется ряд насущных требований, неотложное выполнение которых необходимо для защиты деревни от хищничества

ва монополистического капитала и в борьбе за которые мы должны объединить и организовать сельские массы. Это проблемы цен, налогов, монополистической торговли, дороговизны и нехватки кредитов, высокой арендной платы; проблемы, подобные фальшивой кооперации, которая в большинстве случаев прикрывает создание настоящих акционерных обществ, контролируемых крупными собственниками, где крестьяне подвергаются эксплуатации не только с их стороны, но и со стороны заправил режима. Имеется также проблема подлинной демократической кооперации без участия крупных собственников, которая объединила бы крестьян и пользовалась большой поддержкой государства.

Кроме того, существует проблема демократии в профсоюзах и организациях, занимающихся орошением. В них голоса распределяются не по количеству людей, а по количеству земли, находящейся в собственности их участников. Таким образом, крупные собственники располагают большинством голосов, в то время как мелкие, нуждающиеся более всего в защите, имеют гораздо меньше голосов, несмотря на то, что их подавляющее большинство. Распределение воды происходит в соответствии с интересами крупных собственников, а бедные крестьяне вынуждены иногда орошать свой участок за считанные минуты и в самое неудобное время.

Возникает также необходимость установить демократический контроль над деятельностью зернохранилищ Национальной службы пшеницы, в которых вес и сорт зерна устанавливаются в зависимости от экономического положения собственника, а не в соответствии с действительностью. Поэтому на практике получается, что мелкий или средний собственник земли всегда производит пшеницу худшего качества, которая из-за махинаций хорошо знающих свое дело весовщиков всегда к тому же весит меньше, чем принадлежащая крупному собственнику. До тех пор, пока крестьяне не смогут контролировать вес и качество зерна через свои комиссии, избранные демократическим путем, они всегда будут зависеть от продажности администрации и чиновников, в руках которых находится Национальная служба пшеницы и которые, за редким исключением, прекрасно находят общий язык с крупными землевладельцами. Такие же проблемы возникают и в связи с маслобойнями.

Особенно большой вред наносит крестьянам политика, проводимая многими муниципалитетами, которые контролируют местные рынки. Эта политика способствует тому, что крестьяне быстрее осознают необходимость покончить с нынешними муниципалитетами, начинают понимать необходимость создания муниципалитетов, избираемых народом демократическим путем, в которых были бы подлинные представители крестьян. Следовательно, перед массами деревни

встает со всей очевидностью вопрос о *борьбе за демократию*.

Чрезвычайно остро стоят в деревне вопросы здравоохранения, медицинского обслуживания, страхования по безработице, болезни и старости, народного образования. Мы уже не говорим о злоупотреблениях, имевших место при проведении политики укрепления земельной собственности или лесонасаждения. Общеизвестны ущерб, причиненный при этом беднякам, и доходы, полученные крупными землевладельцами.

Одной из самых тяжелых проблем является ныне безработица, охватывающая сотни тысяч сельскохозяйственных рабочих на протяжении всего года.

Необходимость организации действий в защиту различных требований сельскохозяйственных рабочих и крестьян, не оставляя без внимания ни одно из них, подводит естественным путем к постановке большого вопроса *об аграрной структуре вообще*. Нет работы; существует огромное количество минифундий, не обеспечивающих прожиточного минимума, а также невероятно высокая арендная плата. И в то же время имеются миллионы гектаров хорошей земли, которая находится в собственности крупных помещиков и мало обрабатывается или не обрабатывается совсем, что наносит огромный ущерб сельским труженикам. Все это, по общему признанию, является тормозом для экономического развития страны.

Наступило время, как говорится в обращении нашего Исполнительного комитета (июнь 1965 года), поставить в конкретной форме вопрос о земле. Нынешнее правительство, нынешний режим не дадут землю крестьянам. Хотя их министры и печать пишут ежедневно о необходимости «преобразовать» аграрную структуру, этот режим не сделает по своей инициативе решительного шага в этом направлении. Он не сделает его в силу своего классового характера, ибо у власти стоят помещики, а они являются главным препятствием для преобразования аграрной структуры. *Единственный путь состоит в том, чтобы покончить с властью помещиков и создать демократическую власть для удовлетворения векового стремления тружеников деревни в земле.*

Но тот факт, что нынешний режим не намерен осуществить аграрную реформу, не означает, что мы должны обязательно отложить требование «землю — тем, кто ее обрабатывает» до прихода демократического строя в Испании. Напротив, именно в связи с подъемом борьбы за ликвидацию нынешнего режима созревают условия для того, чтобы поставить в центре нашей работы среди сельскохозяйственных рабочих и крестьян этот лозунг. Мы должны сосредоточить свои усилия на организации массовых действий, направленных на превращение этого лозунга в одну из движущих сил

демократической борьбы на современном этапе. Известно, что этой цели нельзя достигнуть без борьбы. Но борьбу нужно начинать уже сейчас, не откладывая ее ни на минуту.

Требование «землю — тем, кто ее обрабатывает» наряду со всеми другими, упомянутыми выше конкретными требованиями в защиту крестьян от грабежа монополистов и необходимости проведения всеобщей глубокой аграрной реформы, должно вдохновлять наши усилия по созданию широкой и боеспособной сети *комиссий сельскохозяйственных рабочих и крестьян*, которые организуют действия и мобилизацию сельских масс. В тот день, когда в этой области мы достигнем скачка, подобного тому, который произошел в среде рабочих и студентов, силы, выступающие против нынешнего режима, станут сокрушительными и неодолимыми.

Помня об этом и сознавая, что наша политика отражает глубокие чувства тружеников деревни, мы должны приступить с максимальной энергией и решимостью к выполнению этой задачи. Мы должны принести в деревню пример организованности рабочего класса и студентов. И не только пример, но и их активную солидарность. В действительности, борьба за предоставление земли тем, кто ее обрабатывает, — это задача не только крестьян, но и рабочих, а также интеллигенции и всех демократических сил. Необходимо, чтобы крестьяне почувствовали в самой активной форме эту солидарность, как это было с рабочими. Интеллигенция Галисии показала пример в этом отношении. Она составила петицию для удовлетворения нужд деревни. Не прошло ли время распространить эту инициативу на всю территорию страны в форме манифеста рабочих и интеллигенции с поддержкой требования крестьян «землю — тем, кто ее обрабатывает», разоблачая произвол, творимый в разных формах против крестьян, и формулируя и поддерживая их чаяния и требования представителями всей нации?

Я стремился подчеркнуть некоторые из основных проблем, перед которыми стоит ныне наша партия и все силы, участвующие в оппозиционном движении. Находя им все более удачное решение, мы разовьем могучее, сплоченное, организованное движение масс, которое сумеет создать подлинный фронт демократических и антифранкистских сил, способный ликвидировать диктатуру и открыть путь к глубоким демократическим преобразованиям в Испании.

Положение политических групп и партий

Говоря о кризисе режима и о новом значении, которое приобретает оппозиционное движение, необходимо коснуться положения политических групп и партий. Как и в других странах, где общественно-политический строй переживает процесс разложения и новый строй уже стучит в двери, так и в Испании одной из характерных особенностей ны-

нешнего положения является возникновение большого количества групп, группировок и различных кружков. Нет особого смысла уточнять социальную сущность и отличительные черты каждой из этих многочисленных групп и их дальнейшую судьбу. Многие из них являются либо жалкими остатками распадающейся ныне системы, либо зародышами, которым не суждено развиваться: они имеют чисто переходящий характер.

Очевидно, что от «Национального движения»¹ осталось лишь одно название. Однако в Испании существуют реакционные, *традиционные правые элементы*, привыкшие произвольно отождествлять свои привилегии и гегемонию с национальными интересами, яростно антидемократические, вербующие своих сторонников в кругах финансистов и помещиков, в определенной среде католиков-интегристов, в некоторых слоях вооруженных сил и высшего чиновничества. Эти правые мобилизуются, когда надвигается какое-нибудь событие, несущее в себе угрозу для их вековых привилегий. Но, несомненно, что их влияние в массах все время падает и их самих раздирают глубокие разногласия.

К числу этих элементов следует отнести карлистов², которые еще пользуются кое-каким влиянием среди масс в той или иной провинции. Очевидно, это они создали в Каталонии группы «молодчиков с дубинками», напавшие при попустительстве полиции на демонстрацию в поддержку аббата Монтсерратского³. Они недовольны Франко за проявленную им склонность к линии короля Альфонса, но полны решимости отстаивать существующий общественный порядок со всеми его несправедливостями.

Сюда же входит большинство приверженцев короля дон Хуана, исчезнувших много лет назад как партия — или как партии — и не сумевших создать новых форм объединения, за исключением родовых или аристократических связей, имеющих свое значение, когда нужно посетить свадьбу, крещение и другие королевские торжества. Многие из них ис-

¹ Правящая фашистская партия «Испанская традиционалистская фаланга (хунты национал-синдикалистского наступления или «Национальное движение», как ее стали именовать с 1958 года) выражает интересы государственного монополистического капитала, наиболее реакционных слоев финансовой олигархии, крупных земельных собственников и буржуазии. (Прим. ред.)

² Сторонники претендента на испанский престол Дона Карлоса Уго де Бурбон Пармского. (Прим. ред.)

³ Аббат монастыря бенедиктинцев в Монтсеррате (Каталония) — монсеньор Аурели Эскарре в 1963 году выступил с резким осуждением франкистского режима и поставил вопрос о необходимости его ликвидации. Заявления аббата вызвали широкие отклики среди испанских католиков. Франкистские власти и печать развернули кампанию против монсеньора Эскарре, и он вынужден был покинуть страну и эмигрировать в Италию. (Прим. ред.)

пытывают личное отвращение к Франко и его семье, к «выс-кочкам», критикуют его за то, что он еще не восстановил монархию и не обеспечил преемственность их привилегий, но приспосабливаются к существующему режиму, дабы «избежать худшего».

В этих же кругах занимают место члены секты «Опус деи», хотя некоторые из более молодых элементов склоняются к либеральным политическим формулам. Однако «Опус деи» прекрасно может ужиться с другими формами реакционного правления, лишь бы сохранить свои привилегированные позиции.

Эти традиционные правые силы ныне возглавляет Франко — другого главы у них нет. Но нельзя сказать, что там царит энтузиазм. Вследствие шаткого положения режима, преклонного возраста «каудильо» и экономической неопределенности традиционные правые реакционеры чувствуют себя как на раскаленных углях.

Одновременно вырисовывается *неоправое течение*. Его составляют сторонники вышеупомянутой «либерализации». В настоящее время традиционные правые элементы смотрят на них с недоверием и беспокойством. Куда приведет «европеизм» и робкий «либерализм» неоправых? Не приведет ли это к строю со всеобщими выборами и политическими свободами, хотя его руководители и не ставят такой цели? Будет ли неоправое течение достаточно прочным, чтобы традиционные правые элементы присоединились к нему?

Говоря об этих неоправых элементах, можно назвать имена тех или иных финансистов, аристократов, высших чиновников, юристов, публицистов. Однако сейчас невозможно говорить ни об организованных группах, ни даже о каких-либо общих политических программах этих элементов. Это скорее выражение настроений, вызванных поражениями диктатуры и традиционных правых сил, и сознания необходимости попытаться что-то предпринять, чтобы ликвидация диктатуры не стала ликвидацией господствующих социальных групп.

Фаланга, некогда снабжавшая режим своими лозунгами, превратилась в государственную бюрократию, часть ее смешивается с традиционными правыми элементами, а часть примыкает к неоправым. В то же время наиболее молодые приверженцы фалангизма провозглашают себя антифранкистами, которые выражают тоску по фашистскому прошлому и выдвигают материальные требования. Эти распадающиеся силы с их собственными внутренними противоречиями уже не представляют собой прочную опору для Франко. Если в один прекрасный день дисциплина и пассивная поддержка армий дадут осечку, то все рухнет. Что такой день может наступить, все они сознают более или менее ясно.

В отношении оппозиционных партий необходимо сделать

одно общее замечание: темпы их формирования и развития деятельности еще не соответствуют темпам развития демократического массового движения, о котором говорилось выше. Часть традиционных партий, а именно республиканские партии, фактически исчезли. Существуют лишь некоторые остатки в эмиграции. Это произошло не потому, что Испания — сторонница монархии, а вследствие того, что под воздействием репрессий и не обладая динамизмом и молодостью, они отстали от исторического развития. Самые привлекательные фигуры этих партий сошли с политической арены. С другой стороны, потеряли жизнеспособность и институты Республики 1931 года. Они не смогли действовать ни в качестве фермента сопротивления внутри страны, ни как фактор объединения сил в эмиграции. Сегодня было бы своевременно рассмотреть, полезно ли на самом деле поддерживать их. Мы считаем, что сохранять их не стоит. Они не приносят ничего конкретного в действия демократических сил и могут лишь создать впечатление, что диктатуру собираются заменить той же системой, которую она разрушила. *Считать поконченным с эмигрантскими институтами не означает отречься от Республики, от новой демократической Республики, в которой нуждается Испания.* Но это помогло бы слить вместе традиционную оппозицию и новую оппозицию, что явилось бы отпором всяким поползновениям к простому возврату к прошлому и в то же время претензиям на «преемственность» со стороны тех, кто получает выгоды от нынешнего режима.

В свою очередь, Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) переживает тяжелый кризис, длящийся многие годы, выход из которого еще не ясен. Основная часть ее политической деятельности как партии проходит в эмиграции и в среде международного социал-демократического движения. Внутри страны ей удалось произвести перегруппировку лишь некоторых своих сил только в Стране Басков и в Астурии. В основном же деятельность социалистов сводится «к ожиданию своего часа».

В то же время в некоторых городах появились новые люди. В большинстве своем это адвокаты, преподаватели, студенты, которые называют себя социалистами и имеют контакты между собой и в отдельных случаях, в обход руководящей Исполнительной комиссии Социалистической партии в Тулузе, с социалистическими деятелями и организациями за рубежом. Эти группы и некоторые ветераны, уставшие от «ожидания своего часа» и разочарованные политикой Исполнительной комиссии, стремятся объединиться — не без колебаний и оговорок, — видимо, вокруг профессора Тьерно Гальвана, который недавно изложил свои социалистические убеждения.

Если существующие традиционные силы социалистов более или менее контролируются Исполнительной комиссией, то вокруг профессора Гальвана, пользующегося известным авторитетом среди интеллигенции, стремятся объединиться сегодня в первую очередь новые элементы из студентов и преподавателей. Эти новые социалисты осуществляют некоторую деятельность среди интеллигенции и в университетах. В рабочем движении социалисты ведут самую незначительную работу; во многих местах их просто никто не знает. Там, где они появляются, они действуют, как правило, под вывеской Профсоюзного альянса, созданного на основе соглашения между руководителями Социалистической партии в Тулузе и эмигрантскими организациями бывших членов Национальной конфедерации труда.

Следовательно, картина, которую представляет сейчас собой Испанская социалистическая рабочая партия, не вызывает энтузиазма. И это самое удивительное, если иметь в виду рост массового рабочего и демократического движения в стране, особенно начиная с 1962-го года. Чем объяснить, что ИСРП не извлекла из этого движения новые силы и не стала более динамичной? Основная причина слабости Испанской социалистической рабочей партии заключается, как и прежде, в политике руководства, обосновавшегося в Тулузе, которое по-прежнему придерживается антикоммунистической линии и представляет себе будущее как возврат к прошлому, то есть как восстановление ИСРП на позициях 1930 года, не принимая во внимание происшедшие перемены и не имея сил для выработки новой политики, исходящей из требований сегодняшнего дня.

Мы, коммунисты, считаем, что кризис Социалистической партии ослабляет демократическую борьбу. Сплоченная Социалистическая партия, проводящая левую политику и выступающая за единство, могла бы выполнить более положительную роль, чем та, которую играет она ныне. Несмотря на частые неоправданные нападки на нас наша ориентация по-прежнему состоит в том, чтобы искать контактов, поддерживать диалог и осуществлять как можно больше совместных действий с товарищами социалистами. Необходимо сказать, что внутри страны мы зачастую добиваемся совместных действий на определенных участках и поддерживаем с социалистами сердечные взаимоотношения. Мы считаем, что, хотя пока еще нет конкретных возможностей соглашения с ИСРП в целом, мы должны использовать все реальные возможности сотрудничества с группами и деятелями Социалистической партии. Мы готовимся к такому сотрудничеству, веря, что развитие массового движения в конце концов сделает возможным то, что сегодня представляется трудным.

В общей ориентации испанской церкви под влиянием Вселенского собора произошли важные изменения. Их вкратце можно выразить

так: церковь перестала отождествлять себя с режимом, который, лишившись одной из своих главных опор, начал шататься. В этом отношении позиция церкви имеет общенациональное значение, ибо она воздействует на различные слои с разным эффектом и силой. С одной стороны, она помогла подорвать приверженность режиму некоторых консервативных кругов, дав толчок тенденциям либерализации; с другой стороны, облегчила переход народных масс и университетских кругов к более активной оппозиции. Кроме того, эта позиция способствовала созреванию условий для диалога и единства действий между верующими и неверующими, между католиками и коммунистами. Верно то, что позиция части высшего духовенства, связанного с прошлым, интегралистское сопротивление по отношению к аджорнаменто¹ замедляют этот процесс и достижение его логического завершения, хотя и не могут остановить его.

Политика Коммунистической партии Испании способствовала эволюции католиков, поскольку политика национального согласия и признание веса католиков в нашей стране привели нас еще до Вселенского собора к осуществлению диалога и единства действий на тех уровнях, где было возможно это сделать.

Наша позиция по отношению к церкви, о которой я буду говорить ниже,— это не вопрос тактики, это позиция, соответствующая всей нашей стратегии, всей нашей концепции движения к социализму. При этом, говоря об изменениях, происшедших в церкви после аджорнаменто, и оценивая со всей справедливостью его значение, нельзя думать, что вся церковь перешла на демократические позиции. Речь идет о сложной и трудной борьбе, предпринятой папой Иоанном XXIII для того, чтобы привести церковь в соответствие с сегодняшним днем. Содержание этой борьбы не только политическое. Любое упрощение вопроса, любое поспешное толкование многообещающих симптомов может привести к жестоким разочарованиям. Во всяком случае, Испания заинтересована в том, чтобы новые течения в церкви развивались и одержали полную победу.

В результате изменений в позиции церкви начинают приобретать большое значение силы, известные под общим названием *христианская демократия*. Но в этом случае нужно говорить сейчас не об организованной уже партии, а о груп-

¹ Тенденция католической церкви приспособиться к обстановке сегодняшнего дня. (Прим. ред.)

пах и движениях, которые даже будучи подвержены координирующему влиянию церковной иерархии, имеют различные особенности, а иногда занимают противоположные направления и позиции.

Существует молодое движение, придерживающееся обновительного направления и вдохновляемое учением папы Иоанна XXIII, в противоположность интегралистским тенденциям. Оно стремится к обновлению испанского католицизма, к подлинному аджорнаменто, желает занять позиции не только против существующего режима, но и против несправедливости капиталистического общества. Именно эти представители начали первый этап диалога и сотрудничества с коммунистами. Это движение имеет важное значение, даже если оно и не охватывает большинства католиков. В нем принимает участие большое количество священников и еще большее — простых верующих. Не пытаюсь отождествлять их всех абсолютно или утверждать, что они мыслят одинаково, мы можем назвать таких священников, как монсеньор Эскарре, аббат Монтсерратский — отважный борец против диктатуры, высланный в Италию; священник из Страны Басков Альберто Габикагохеаскоа, приговоренный к тюремному заключению за разоблачение полицейских пыток; Мосена Далмау, видный сотрудник «Серра д'Ор», осужденный судом общественного порядка в Мадриде; Хосе Мария Гонсалес Руис, написавший самые умные и понятные статьи о диалоге с марксистами. Все они и другие, которых здесь нет надобности называть и среди которых фигурируют сотрудники иезуитских журналов «Расон и Фе» и «Абсиде», могут считаться, со всеми их оттенками и различиями, участниками этого демократического и прогрессивного течения католиков.

Среди рядовых верующих действуют с большим умом, энтузиазмом и искренностью многие католики, вносящие положительный вклад в организацию массовой борьбы рабочих, студентов и интеллигентов.

Мы знаем, что этих людей побуждает к такой деятельности забота о том, чтобы поднять авторитет церкви испанского католицизма. И это не удивляет и не отталкивает нас, ибо, насколько мы их знаем по их письменным выступлениям или действиям, а то и по прямым и косвенным контактам, мы убеждены, что в целом они чувствуют себя вдохновенными искренним стремлением защитить на основе своих верований интересы народа и обездоленных.

Кое-кому может показаться странным это наше признание: Орган Фрага Ирибарне газета «Эль Эспаньол» видит в этом «матевр» коммунистов для того, чтобы «содрать шкуру с католической овечки»; нечто вроде дьявольского заговора. Мы не знаем; запутают ли подобные измышления кого-либо

из католиков. Но в любом случае мы не настолько наивны, чтобы не знать, что если диалог и сотрудничество с католиками для достижения демократических, социальных и мирных целей может быть целесообразным для нас, поскольку облегчает борьбу народа против франкизма и социальных несправедливостей, то этот же диалог и это сотрудничество идут на пользу в той же степени католикам и церкви. С их помощью церковь может предстать перед народом не такой, как писал о ней журнал иезуитов «Абсиде»: «Ни наша мораль, ни наша церковь, ни наш бог не годятся для рабочих», а как нечто более близкое и родное для тех, кто испытывает страдания.

Мы заявляем без обиняков, прямо, чтобы никто не сомневался по поводу наших намерений, что если выбирать между двумя церквями, то мы предпочитаем иметь дело с «церковью бедняков», о которой говорил папа Иоанн XXIII, а не с церковью «крестовых походов», церковью капиталистов и помещиков, сельских князьков и официальных властей, украшением и оплотом всех реакционных властей, с которой столкнулись дон Кихот и Санчо и сталкивались до сих пор все дон Кихоты и Санчо, которые только появлялись в Испании...

Мы должны вести упорные идеологические дискуссии с «церковью бедняков», с демократическим и прогрессивным католицизмом. И мы по крайней мере были бы уверены в возможности сосуществовать, не сталкиваясь в новых и опустошительных гражданских войнах; мы были бы уверены, что над нами не будет висеть угроза уничтожения и «крестовых походов». С такой церковью и с таким католицизмом открылась бы возможность продвигаться к демократии и к социализму так, чтобы корыстные интересы, препятствующие освобождению народа, не могли бы прикрываться символом креста.

Впервые в истории Испании появляется возможность ориентации католиков в этом обновительном направлении, которое совпадает с течениями, возникшими во всей церкви. Трудно предугадать те превратности и видоизменения, которые ожидают это течение вследствие сопротивления интегралистов. Нам известно, что внутри самой церкви, и, в частности, в испанской, это сопротивление еще очень сильно. Но проводить политику сотрудничества с демократическим католицизмом нужно. В области идеологии нас не пугает открытое сопоставление взглядов в процессе дискуссий. В конце концов жизнь, практика, научные и социальные достижения людей поправят все ошибки. Мы полностью уверены в правоте нашего научного мировоззрения. С другой стороны, Испания может лишь выиграть в области политического, социального и экономического прогресса, в области поли-

тических свобод, если мы пойдем по этому пути сотрудничества между католиками и марксистами.

Мы заявляли и повторяем: *если эта возможность не осуществится, наша открытая и положительная позиция не будет тому причиной.*

Молодые и новаторские силы, о которых мы говорили, представляют собой активное и динамичное крыло этого христианско-демократического течения. Мы с ним сотрудничаем и готовы идти честно и искренне дальше, по пути к социализму.

Не так давно на одном из собраний был создан Христианско-демократический союз. Те слои, которые выступают за обновление, добились принятия демократической программы, в которой имеются антимонополистические и антифеодальные положения, приближающиеся к нашим концепциям и исключаящие всякую антикоммунистическую дискриминацию. Эта программа является шагом, который может иметь положительные последствия для оппозиции. Однако, хотя программа имела большое распространение в политических кругах, она еще не была, насколько нам известно, опубликована официально. В этом факте нельзя не видеть результат давления и влияния других слоев, также называющих себя христианскими демократами, но стоящих на совершенно иных позициях.

Среди них имеются группы, которые, даже придерживаясь «эволюционного» направления, уживаются с существующим режимом. К ним, например, можно отнести группу, сформировавшуюся вокруг католической газеты «Йа» и Католического издательства. Политическая ответственность этих так называемых христианских демократов за сохранение диктатуры не становится меньше от того, что они публикуют иногда статьи, в которых проглядывает критическое отношение и даже пророчества по отношению к перспективам, ожидающим режим, и поддерживающие его слои. Христианско-демократический союз фактически разорвал с этой группой, хотя их и объединяет общая вера.

Интересна судьба профессора Руиса Хименеса. Из-за своего сотрудничества с организаторами университетского съезда молодых писателей, который, по существу, представлял собой широкое демократическое движение студентов, он был вынужден в 1956 году покинуть министерство народного образования. С тех пор профессор Руис Хименес медленно, но неуклонно эволюционировал в демократическом направлении. Его позиция в защиту диалога, участие в качестве адвоката на процессе против члена ЦК КПИ товарища Сандовала и других коммунистов, озабоченность судьбой политических заключенных, его работа по руководству журналом

«Тетради для диалога» создают образ человека, глубоко искреннего в своих убеждениях, с открытой душой, культурного и умного, хотя и не расставшегося еще с некоторыми иллюзиями, которые мешают ему быть до конца последовательным в своих позициях. «Тетради для диалога» превратились под его руководством в одно из редких легальных изданий, в которых проводятся демократические идеи и попытка вести подлинный диалог. К сожалению, существующие ныне ограничения ведут к тому, что «Тетради» достигли уже потолка, перешагнуть который трудно, пока не изменится положение. А необходимость сказать большее, говорить яснее и громче делается с каждым днем все более настоятельной.

Существуют и другие оттенки и позиции, которые могут быть названы «христианско-демократическими», давая этому понятию очень широкое толкование. Баскский национализм в традиционной своей части может быть отнесен сюда, хотя этого нельзя сказать о его более молодой части, влияние которой растет. Некоторые каталонские группы также могут быть включены в эту категорию.

Могут ли эти группы и направления ужиться в рамках единой партии христианских демократов или же объединиться в конфедерацию различных партий? Нет сомнения в том, что испанская церковь и представители Интернационала христианских демократов, поддерживающие связи со своими испанскими единомышленниками, работают в этом направлении. Без малейшей попытки на вмешательство во внутренние дела христианских демократов все же отметим, что разнородность этих групп позволяет нам сомневаться в возможности осуществления единой дисциплины по отношению ко всем этим группам и направлениям. Мы опасаемся, что в случае подобного объединения новые силы, воплощающие в себе дух обновления и более подготовленные для завоевания влияния в массах, кончат тем, что будут распущены и потеряют свою политическую ориентацию в результате сильного давления со стороны правых на такую объединенную партию или конфедерацию. В этом случае произошло бы то же самое, что случилось в свое время со знаменитой Испанской конфедерацией правых автономистов.

Партия или конфедерация религиозного толка, объединив все христианско-демократические направления, могла бы быстро перерасти в организацию неоправых и превратиться в орудие политики финансовой и помещичьей олигархии. Вполне возможно, что новые силы — выразители идей обновления и демократии в католическом движении — находятся сейчас на перепутье и их отказ слиться с правыми мог бы способствовать тому, что Союз христианских демократов сыграет прогрессивную роль в политической жизни Испании.

**К достижению соглашения
между демократическими
силами**

Христианско-демократические течения представляют собой самую значительную силу среди некоммунистических групп. С ними, как и со всеми оппозиционными группами, мы, коммунисты, готовы договориться в любой момент ради того, чтобы сделать хотя бы один шаг вперед, в чем только возможно, на пути к созданию режима политических свобод.

Однако это потребует выработки программы соглашения в надлежащей форме. Пока что этого нельзя было добиться. И мы не строим себе иллюзий: в нынешней политической обстановке внутри страны и особенно международной добиться этой цели будет очень трудно до наступления, так сказать, «последней четверти часа» франкизма.

Но мы уверены, что подобное соглашение будет достигнуто. В нынешнем массовом движении единство и сотрудничество представителей различных направлений явится шагом по пути к достижению подобного соглашения. Наши связи, самые разные по своей форме и проявлению, с другими политическими группами свидетельствуют о том, что эти группы, несмотря на отдельные свои заявления, которые делаются с целью успокоить правящие круги, ни в коей мере не отвергают возможности договориться с нами. Более того, опыт некоторых стран, сбросивших ярмо фашизма, и даже тех, где коммунисты не представляли такую значительную силу, какую представляет Компартия Испании, должен послужить им поучительным уроком.

Неоднократно мы, коммунисты, подчеркивали, что было бы очень полезно *провести одну из несколько встреч представителей всех тех политических сил, которые соглашались относительно минимальных целей: необходимости покончить с диктатурой, восстановить политические свободы и создать демократическую и многопартийную систему, хотя каждая из этих сил по-разному ставит вопрос о путях достижения этой цели, о социально-экономическом содержании и политической форме нового строя.*

По нашему мнению, это послужило бы лишь началом для ведения свободного и открытого диалога о проблемах Испании, который преодолел бы эмоциональные наносы, продолжающие еще давить тяжелым грузом на наши отношения со времен гражданской войны. Такой диалог мог бы предопределить, по крайней мере в принципе, не столько содержание будущего, сколько настоящего, то есть правила политической игры, которые наши различные политические силы готовы принять для улаживания политико-социальных разногласий.

Это было бы нечто вроде предпарламента, отражающего позиции тех сил, которые должны сосуществовать, даже будучи в оппозиции друг к другу, в рамках демократического

и парламентского строя. Мы считаем, что никакая политическая сила не должна исключаться заранее, независимо от лагеря, к которому она примыкала во время гражданской войны. Встречи подобного рода помогли бы выявить существующее сходство в точках зрения и разногласия; способствовали бы созданию атмосферы диалога; сблизили бы в силу некоторых обстоятельств тех, которые сходятся в том, что необходимость политических перемен назрела, и позволили бы, насколько это возможно, выработать согласованную и единую стратегию в этом вопросе.

Мы не знаем, откликнутся ли эти политические силы когда-нибудь на наше предложение. Вновь выступая с этой инициативой, мы, коммунисты, доказываем всем испанцам доброй воли, что наша цель — идти демократическим путем, и мы даем конкретный ответ тем, кто вероломно обвиняет нас в стремлениях к реваншу и возврату к прошлому. Мы хотим для нашей страны не реванша и не возврата к прошлому, а нового демократического пути, новой демократической жизни. *Каков бы ни был успех нашей инициативы, которую мы сегодня вновь выдвигаем, она подтверждает нашу решимость найти тот стиль и те формы для политического будущего Испании, которые раз и навсегда похоронят прошлое.* Будем надеяться, что это наше стремление найдет, по крайней мере, отклик среди общественного мнения страны.

Наше стремление сотрудничать с представителями других политических сил, последовательная линия на единство, терпеливые усилия и прежде всего деятельность и борьба, которые подтверждают нашу реальную силу, помогут нам преодолеть запрет и ограничения. Мы глубоко уверены, что при сложившихся исторических условиях в Испании можно добиться самого широкого соглашения с целью восстановления политических свобод в стране.

Перспективы движения народных масс и армия

Говорить о силах, которые обладают политическим весом в Испании, и не упомянуть об армии, означало бы обойти молчанием одну из тех сил, которые имеют большое значение в настоящее время в стране.

Испанскую армию отличают традиции мятежа и гражданской войны, та неуклюжая роль, которую сыграла она во времена второй мировой войны, благодаря тому, что Франко решил послать на советский фронт Голубую дивизию. Армия связана военными соглашениями с США и в течение некоторого времени использовалась для проведения политики репрессий. У народа популярностью армия не пользуется. Это осознают и на это жалуются многие из трезво мыслящих офицеров. В глазах же народа она предстает в образе свирепого жандарма, являющегося опорой режима, столь ненавистного подавляющему большинству испанцев.

Но тут возникает вопрос: представляет ли собой армия «однородную массу», как того хотелось бы некоторым, довольную режимом и готовую поддерживать его вечно? Будет ли армия оставаться безучастной перед лицом движений и конфликтов, возникающих и развивающихся в недрах испанского общества? Логика вещей заставляет дать отрицательный ответ на эти вопросы.

Армия уже не та, что была в период гражданской войны. Ее офицерский состав в своей массе сформировался позднее. Многие из тех, кто принимал участие в гражданской войне, умерли, а мифы и легенды были развеяны. Другие же участники гражданской войны задают себе вопрос: стоило ли нам, испанцам, вести междоусобную войну для того, чтобы прийти к тому, что мы сейчас имеем?

Ясно, что еще не перевелись «ультра», что есть много военных, на которых тяжело давит привычка к дисциплине и к подчинению, реакционные традиции, заставляя их идти уже проторенной дорожкой. В то же время в армии множество проблем, причин для трений и недовольства. Есть много военных, которые сознают, что нынешний режим зашел в тупик и что отождествление армии с режимом пагубно для нее.

В прошлом мы, несмотря на трудности объективного характера, старались выявить то влияние на армию, которое оказывала эволюция в нашей стране. Мы старались, исходя из интересов нации, способствовать осуществлению политики отхода армии от режима. Мы уже заявляли, что перед лицом сокрушительного народного движения, перед лицом всеобщей политической забастовки и ее перерастания в национальную забастовку армия могла бы отказать в поддержке режиму и тем самым облегчить осуществление народной воли.

Прошли годы. Процесс политического и социального разложения нынешнего испанского общества неуклонно развивался, а его последствия разрастались. Мы думаем, что будет правильно утверждать, что появились военные, которые начинают говорить себе, что сейчас недостаточно ограничивать роль пассивного наблюдателя, что необходимо использовать самым решительным образом армию для изменения существующего политического строя, ставящего под угрозу бесчисленное множество вещей и усугубляющего тем самым серьезным образом свое будущее. Подобное активное выступление армии могло бы преодолеть, говоря в историческом разрезе, пропасть, появившуюся в 1936 году между армией и народом.

Так могла бы возникнуть новая возможность, о которой не приходилось говорить до недавнего времени: установить сотрудничество между армией и народом в деле восстановления политических свобод в стране и сбросить тем самым тяжелое ярмо режима с плеч испанского народа. Если такая

возможность представится, национальная забастовка смогла бы принять форму согласованного движения народа и армии с целью ликвидации диктатуры.

Мы не должны обольщаться и строить радужных иллюзий на этот счет. Мы должны осознать трудности, ожидающие нас на этом пути, и уяснить себе, что помимо этого пути имеются еще и другие. Но если такая возможность представилась бы, компартия приняла бы участие и способствовала всеми имеющимися в ее распоряжении средствами делу победы движения народа и армии, которая ознаменовала бы начало новой эры в истории нашей страны. Во всяком случае, уверенность в том, что армия уже не представляет собой безропотное и аморальное целое, что в ее рядах растет глубокое беспокойство, должна дать новый стимул борьбе народных масс, всех антифранкистских сил.

За политическую и социальную демократию

Два пути развития Испании Первостепенная задача, которую преследуют на данном этапе коммунисты, состоит в ликвидации франкизма и установлении режима политических свобод. Необходимым условием создания такого режима, как заявляла наша партия, является следующее:

полная амнистия всех политзаключенных и политэмигрантов;

признание права на забастовку;

свобода профсоюзов, то есть профсоюзы должны быть подлинно рабочими, независимыми от предпринимателей, от правительства;

свобода печати, слова и объединений;

свобода совести;

признание всеобщего избирательного права как источника законной власти.

Разумеется, в связи с этими условиями неотложным является решение таких проблем, как восстановление политического статута Каталонии и Страны Басков и распространение его на Галисию, а также подготовка и созыв Учредительных кортесов в качестве пути к созданию конституционного режима. Такой режим даст возможность политическим и социальным силам отстаивать и добиваться торжества своих концепций. В этом смысле установление режима политических свобод будет шагом большого исторического значения. Но как только этот шаг будет сделан, Испания встанет перед выбором одного из двух путей развития — монополистического или демократического, революционного. Вопрос

об этих двух путях развития в той или иной форме и лежит в основе всех дискуссий, которые ведутся в настоящее время среди испанцев. Уходить от этого вопроса означало бы поступить легкомысленно в тот ответственный момент, когда другие силы выработывают и начинают обнародовать свои программы на будущее. Мы, коммунисты, не скрываем нашего твердого стремления направить развитие Испании по демократическому, революционному пути и считаем необходимым четко обрисовать программу того, как мы себе мыслим в общих чертах этот путь, с тем чтобы с ней ознакомились все другие политические силы и народ.

В Испании большинство социально-политических сил, включая в известной степени даже представителей правящих кругов, признают необходимость перемен. Мы уже вступили в такой период развития, когда фашистские институты начинают разваливаться. Но это вовсе не означает, что выход из создавшейся обстановки может оказаться легким. Наоборот, он сопряжен со значительными трудностями. Они вызваны прежде всего тем, что *кризис диктатуры — это кризис не только политического режима, но также и социального строя, банкротство господствующей олигархии*. Ведь в данном случае речь идет о судьбах системы политической и экономической власти крупного финансового капитала и земельной аристократии. По сути дела вопрос стоит так: располагают ли монополистическая олигархия и ее сиамский близнец — земельная аристократия — экономическими и политическими средствами для того, чтобы навязать народу монополистический путь развития в условиях режима политических свобод?

Сегодняшняя Испания, страна видимого благополучия, достигнутого благодаря туризму и денежным переводам экономических эмигрантов (об этом речь пойдет ниже), — явление весьма своеобразное в капиталистической Европе. В силу ряда обстоятельств все противоречия, свойственные системе государственно-монополистического капитализма, в Испании проявляются в более острой форме, чем в других высокоразвитых капиталистических странах, и при этом сюда добавляются еще и противоречия, определяемые сильными феодальными пережитками в деревне. Переплетаясь, эти противоречия придают остроту и запутанный характер экономическим, социальным и политическим проблемам Испании.

В развитых капиталистических странах высокий уровень национального дохода позволяет скрывать от масс (а делать там это гораздо легче, чем в Испании) эволюцию, претерпеваемую современным капиталистическим государством. Ясно одно, что оно *не является уже государством одного социального класса, всей буржуазии, как это было в другие времена. Это уже государство, выражающее интересы лишь монопо-*

*листных кругов буржуазии, обеспечивая им возможность получать сверхприбыли. Это государство правящих монополий. Когда заправила «Дженерал моторс» говорит о том, что «интересы «Дженерал моторс» — это интересы США», они дают точную характеристику философии современного капиталистического государства. Располагая всей полнотой власти в государстве, монополистические группы отождествляют общие интересы страны со своими интересами, во имя которых они эксплуатируют рабочий класс и, кроме того, присваивают значительную часть прибавочной стоимости, принадлежащую кругам немонополистической буржуазии. Так же они поступают и с собственниками в деревне. Иными словами, монополисты проводят политику эксплуатации и грабежа всего народа. При этом следует подчеркнуть, что нынешнее монополистическое капиталистическое государство не защищает частную собственность в общем, как это было в прошлом. Это государство открыто заявляет о том, что мелкий и средний собственник не имеет права на существование и что в стране имеется слишком много собственников и большая часть их должна пожертвовать собой и исчезнуть во имя «крупных производственных объектов». Прикрываясь «техническим прогрессом» и «общественным характером» производства, современное капиталистическое государство открыто заявляет, что его миссия — *добиться такого положения, при котором монополии стали бы еще более сильными и могущественными, и все это не только за счет народа и трудящихся масс, но также и за счет буржуазии, как сельскохозяйственной, так и промышленной и торговой.**

В Испании, где институты государственно-монополистического капитализма развились с молниеносной быстротой и она в этом отношении может быть поставлена сейчас в один ряд с самыми развитыми капиталистическими странами, обстановка не особенно благоприятствует монополиям. Испанское государство, которое, по существу, не является государством всей буржуазии, а лишь государством крупных финансовых групп, не переставая оставаться при этом государством крупных помещиков, воплощает в себе черты, свойственные самой современной и в то же время самой отсталой капиталистической стране. Вершина его экономической пирамиды имеет самые современные формы: далеко шагнувшая вперед концентрация и более полное использование государства в интересах финансовых групп. В то же время его экономическая база продолжает оставаться прежней: множество мелких предприятий, мелких и средних экономических объектов. «Выкачивание» монополистических сверхприбылей из такой явно недостаточной экономической базы резко обнажает паразитический характер испанского монополистического капитала и придает противоречию между немонополистической

буржуазией и монополистами, не признающими за последней даже минимума политических прав, невиданную в других странах остроту. Это в значительной степени сокращает возможности неокapиталистических тенденций в рабочем движении Испании. В то же время система «выкачивания» декапитализировала сельское хозяйство, ввергнув его в состояние хронического кризиса, из которого оно не видит выхода в рамках существующего строя. Таким образом, *в деревне существуют чрезвычайно важные источники сил для антимонополистической и антифеодальной борьбы.*

Особенность испанской действительности нашла свое своеобразное отражение в речи маркиза де Делейтоса перед держателями акций Испанского кредитного банка. В стране, где власть целиком находится в руках олигархии, которая осуществляет ее в самой деспотической форме, единолично, то есть фашистскими методами, политические принципы современного государственно-монополистического капитализма, свойственные странам политических свобод, утверждаются спесивыми правителями и финансовыми заправилами. И маркиз де Делейтоса вынужден говорить об этом, выбирая осторожные выражения и сопровождая свои высказывания жалобами. «Вредна и ошибочна кампания, ведущаяся с целью очернить прибыль, — говорит он. — Основное зло испанского предпринимательства состоит в общих чертах в том, что оно приносит мало прибыли. Необходимо отбросить демагогию о народности и лишить поддержки эти кампании, направленные против прибыли. Лозунг «перераспределения богатств» должен быть заменен лозунгом «создания новых богатств». Банк должен быть могущественным, он должен быть разумно защищен на случай непредвиденных экономических изменений, а для этого он должен создавать необходимые резервы, вещь сама по себе невозможная без прибыли. Но где взять их, эти прибыли?» — жалуется маркиз.

Вполне очевидно, что маркиз де Делейтоса вовсе не имеет в виду, говоря о «кампании» против «прибыли», нашу пропаганду. В противном случае он не лишил бы себя удовольствия прямо сослаться на нее. Он имеет в виду другую кампанию, которая, несмотря на существующую диктатуру, нашла свое отражение на страницах легальной прессы и на которую вынуждены реагировать некоторые государственные чиновники. Его выступление отражает настроение самых широких социальных кругов страны, которые возмущены размерами прибылей, получаемых крупными финансовыми объединениями, их неутолимой и волчьей жадной наживы. Маркиз вынужден говорить так потому, что конфликт между крупными финансовыми компаниями, с одной стороны, и отсталой частью населения страны — с другой, включая сюда мелкую и среднюю буржуазию города и деревни, угрожает интере-

сам тех, которых маркиз представляет. Ибо в нашей стране, несмотря на фашистские формы правления, диктатура не может позволить себе право спесиво заявить о том, что интересы банков или крупной промышленности являются также «интересами Испании», так как даже камни будут в этом случае протестовать.

И это не случайно. Здесь не может идти и речи о «субъективизме» коммунистов. Это — отражение реальной обстановки в нашем обществе. Вот почему выход из создавшегося положения в Испании представляет собой такую сложную и трудную проблему. Если бы речь шла только о политическом строе, как утверждают некоторые лица, все было бы уже давно решено. В своей речи маркиз критикует именно нынешнюю экономическую политику, он не удовлетворен ею, ему кажется, что она не особенно отвечает интересам тех лиц, представителем которых он является. Но если реакционная и фашистская диктатура не способна проводить политику сверхприбылей, низкой зарплаты и распределения национального дохода в соответствии с требованиями олигархии, какой же другой политический строй может обеспечить это? Если при наличии покорной прессы, находящейся под контролем цензуры, ведется кампания против сверхприбылей, что же будет в том случае, если печать будет свободной? Что же произойдет при смене режима, если уже сегодня протест против крупных финансовых кругов вызывает беспокойство у их заправил?

Сложность обстановки вовсе не означает, что в Испании не будет политических перемен и что нет каких-либо перспектив для этого. Нет, и еще раз нет! Перед нами открываются большие возможности в этой области, несмотря на ожесточенное сопротивление со стороны ныне господствующих монополистических групп. Ясно одно, и это должны учитывать прежде всего политические, социальные и демократические силы, что эти политические перемены не произойдут по инициативе тех групп, чьи специфические интересы потребовали бы проведения еще более реакционной линии, наличия еще более сильной, жестокой и не терпящей никаких возражений власти, чем существующий режим. Возможность перемен обязательно представится, и она уже начинает вырисовываться в результате самых мощных и решительных действий народных и демократических сил. Именно эти действия обеспечат изоляцию монополистических групп и окончательно подорвут их политические позиции, усиливая одновременно их внутренние противоречия и грызню между собой.

Это будет очень сложным процессом, и уже сейчас мы становимся очевидцами этого. Давление демократических сил и противоречия внутри режима обуславливают его эволюцию, хотя и медленную, но все же ощутимую. Диктатура по-

теряла свою динамичность, не имеет сплоченности и инициативы, характерных для фашистского государства. Она остановилась в своем развитии. Множество декретов, законов и проектов законов, публикуемых государством, в большинстве случаев остается лишь на бумаге.

Возможны новые отступления. При этом реакционная и консервативная диктатура может даже перерасти в *мягкую диктатуру* (намеренно использую этот термин по аналогии с историческим прошлым, которое еще свежо в нашей памяти). Нарастание демократической борьбы и разложение режима изнутри могут вызвать это в любой момент. Если это произойдет, не исключена возможность последней битвы между режимом и национальными демократическими силами, неизбежно банкротство системы преемственности власти и победа политической революции, которая положит начало новому периоду важных социальных перемен в стране. Революция может быть более или менее насильственной, более или менее мирной, но она обязательно произойдет.

В условиях политических свобод противоречие между подлинной политической демократией и сохранением экономической власти в руках финансовой и помещичьей олигархии приобретет в нашей стране еще более острый характер. Как-то один из министров Второй Республики произнес на торжественной сессии парламента поистине пророческие слова, которые не были тогда оценены по достоинству: «Либо Республика покончит с Хуаном Марчем, либо же Хуан Марч покончит с Республикой». И действительно, Хуан Марч и финансово-помещичья олигархия покончили с Республикой. Сейчас же вопрос будет поставлен еще более остро: *либо политическая демократия утвердится на основе системы экономической демократии, либо финансовая и помещичья олигархия вновь ликвидирует политическую демократию. Будущая испанская демократия будет политической и социальной демократией, либо ее не будет вовсе, она не удержится.*

Те люди, которые ошибочно говорят о политическом строе наподобие «западного», стараясь тем самым дать определение системе, при которой формы политической демократии сосуществовали бы с фактическим политическим и экономическим господством олигархии, забывают о реальном уровне, которого достигло развитие капитализма в Испании, забывают о реальных возможностях испанского монополистического капитала. Они путают Испанию с высокоразвитыми капиталистическими странами Европы и даже идеализируют обстановку в этих странах. Но наступит такое время, когда противоречия между политической демократией и диктатурой монополий достигнут своей кульминационной точки даже в этих высокоразвитых странах. Это находит свое подтверждение в той эволюции, которую претерпели политические си-

стемы в Италии, Франции и даже в самой развитой капиталистической стране мира — США, где революционные силы наиболее слабы, но политика колониальных войн, проводимая американским правительством, обостряет это противоречие. В Испании невозможность добиться стабилизации режима политической демократии и фактического господства олигархии станет очевидной намного раньше, несмотря на то, что нынешняя медлительность, с которой меняется обстановка, говорит о трудностях разрешения этой проблемы наподобие «западного» образца.

Мы не отрицаем возможности монополистического развития страны. Но мы утверждаем, что этот путь сопряжен с мучительными трудностями для рабочих, крестьян, средних классов и немонополистической буржуазии, иными словами, для большинства наших соотечественников. Этот путь будет более долгим, и он затянется на неопределенное время отставание Испании по отношению к развитым странам мира. Ввиду вышеизложенного, это, возможно, приведет к тому, что политические свободы будут не чем иным, как небольшим историческим этапом на пути смены франкизма новой реакционной диктатурой.

**Великая революционная,
национальная и демократическая задача**

Именно поэтому мы выступаем за путь антифеодального и антимонополистического развития; за него мы будем бороться, ибо он закрепит и дополнит политическую свободу социальной демократией. Мы знаем, что здесь нас ожидают большие трудности, но они вполне преодолимы. Это будет демократическая и национальная задача громадной важности. Она вызовет энтузиазм и демократическую энергию народных масс. На ее стороне будет вся многочисленная армия патриотов страны, для которых отсталость Испании — это вечно незаживающая рана в сердце.

Действительно, политика национального согласия выполняла в основном одну из тех целей, которую мы ставили перед ней: преодолеть раскол в народе, вызванный войной. Но перед нами продолжает стоять во всей своей полноте национальная задача, требующая развить и поднять на более высокую ступень согласие между всем народом; наверстать отставание, вызванное начатой, но незавершенной буржуазной революцией; догнать поезд промышленной, технической, научной революции, который мы в свое время упустили, ибо в противном случае, несмотря даже на современные темпы роста нашей экономики, это грозит усилить наше отставание. Речь идет о том, чтобы перестать трусить рысцей в области экономического и социального развития и начать двигаться таким галопом, который был бы необходим Испании. Эта задача потребует усилия всей нации, чего можно до-

биться лишь в том случае, если весь народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция, монополистическая буржуазия — будет подхвачен единым великим порывом, несокрушимым движением сотрудничества и соревнования по пути достижения этой ясной и четко определенной цели. Эта цель должна удесятерить способность народа трудиться, его самоотверженность и героизм, создать атмосферу романтики национально-демократического и революционного развития. Но этот порыв, эту романтику развития не способны вызвать технократы со своими «планами» и «мерами по организации» производства. Не может вызвать их также никакой реакционный режим монополистического капитала.

Этот энтузиазм может быть вызван лишь демократической, антифеодальной и анимонополистической революцией. Его может вызвать лишь новый политический строй, который будет признан трудящимися города и деревни, интеллигенцией, инженерами, техниками и монополистической буржуазией; только такая власть, которая будет выражать их интересы и которую они будут считать своей родной властью; только такая программа, которая в общих своих чертах и деталях, в масштабе всей страны, всех районов и уголков Испании составлялась бы при активном участии всего народа и в осуществлении которой он был бы кровно заинтересован; только такие институты, которые позволяли бы всем тем, кто своим трудом претворяет в жизнь эту программу, действительно контролировать ее осуществление и иметь право принимать самостоятельные решения на всех ее этапах. Необходимо, чтобы все люди, выполняющие любое производственное задание, знали о сосуществовании прямой связи между этой задачей и улучшением его же благосостояния и завоеванием самых широких свобод; необходимо, чтобы каждый был бы действительно заинтересован в успехе своей работы и горячо переживал свои неудачи в работе. Только это и может вызвать атмосферу энтузиазма, которая позволит Испании в течение нескольких десятилетий подняться до уровня самых развитых стран мира и окончательно покончить со своей вековой отсталостью. Ни франкизм, ни любой другой режим не сможет решить эту задачу без прочной и горячей поддержки народа.

**Парламент и система
национальной автономии.
Судебный аппарат**

Как мы представляем себе эту политическую и социальную демократию?

Эту новую демократию мы представляем себе как многонациональное государство, безоговорочно провозглашающее национальные права Каталонии, Страны Басков и Галисии, включенных в него не по принуждению или настоянию центральной власти, а по своему свободному и добровольному решению. Мы, коммунисты, твердо

придерживаемся принципа самоопределения народов Каталонии, Страны Басков и Галисии и поддерживаем их право развивать и обогащать свою культуру, свой язык и свои национальные свободы. Только такое государство, которое уважало бы национальное достоинство разных народов, входящих в его состав, может быть действительно уверено, что его будущее покоится на прочной основе. Только таким путем будет упрочено подлинное братство народов Испании.

В этой новой демократии центральным органом государственного суверенитета будет парламент, избранный так же, как органы правления на остальных уровнях — всеобщим голосованием на основе пропорционального представительства. Орган центральной исполнительной власти назначается парламентом и находится под его непосредственным контролем.

Парламентская система должна покориться на учреждениях экономической и социальной демократии. Тогда парламент, при всей его ограниченности, недостатках, в тысячу раз демократичней и эффективней, чем любая форма, которая устранил или заменит его.

Подлинная демократия требует настоящей самостоятельности суда, который должен вести следствие и выносить приговоры в соответствии с принципами права, сводя на нет опасность произвола. Первым шагом по пути к этой самостоятельности является сокращение и уменьшение прерогатив полиции, которые при франкизме всеобъемлющи, но которые и при другом режиме могут быть слишком велики. Судебным следствием должны заниматься судебные власти. Пытка и любые средства физического воздействия, оскорбляющие человеческое достоинство, должны быть решительно запрещены; лица, которые прибегнут к ним, должны немедленно арестовываться и нести суровое наказание.

За многопартийность

Наша концепция парламента, естественно, предполагает наличие многопартийной системы. Официальная пропаганда в стране мечет гром и молнии против многопартийности. Почти бессмысленно вести прямую полемику с этой пропагандой: соображения, которыми она руководствуется, вполне очевидны. Мы, испанцы, полностью убедились на своем горьком опыте, что означает в условиях нашей страны ликвидация многопартийности. В этом отношении можно сказать, что мы за возврат к прошлому. Мы не позволим себя обмануть. Любой режим, дающий свободу партиям, со всеми его многочисленными недостатками, в тысячу раз предпочтительней нынешнего.

Наша критика буржуазных партий и социал-демократии общезвестна. В настоящий момент, в условиях фашистской

диктатуры, не имеет смысла останавливаться на ней. Более важно видеть другую сторону вопроса. А эта сторона заключается в том, что партии, даже с присущими им недостатками, являются элементом демократии в политической жизни страны, поскольку они отражают разнообразие интересов и позиций различных классов и социальных слоев. Даже те партии, руководство которых в большей степени подчиняется диктату монополистического капитала, оказываются вынужденными, когда поднимаются большие течения общественного мнения среди массы населения и среди их членов, считаться в той или иной мере с народной волей. С другой стороны, существование партий, их политическая пропаганда способствуют повышению интереса к политической жизни страны и побуждают широкие массы к участию в ней в большем или меньшем масштабе, то есть противодействуют тому, что мы могли бы называть политическим абсентеизмом народа, в котором заинтересован монополистический капитал и который он всячески поощряет.

Мы неоднократно заявляли, что в Испании (в том числе и для построения социалистического общества) *целесообразна многопартийная система*. Это не какой-либо тактический маневр с нашей стороны, а целая стратегическая концепция. В дальнейшем я изложу эту концепцию, основанную на той идее, что построение социализма в современном мире является задачей не только рабочего класса, но также и других социальных групп и слоев; на идее, что сегодня наряду с марксистами-ленинцами, выражающими концепцию научного социализма и объединенными в Коммунистическую партию, существуют другие социалистические тенденции, которые могут найти отражение в других политических партиях, чье содействие совершенно необходимо для создания нового общества без эксплуатируемых и эксплуататоров.

Но парламент и политические партии — не единственные формы организации и функционирования подлинной политической и экономической демократии. Я полагаю, что нет необходимости в этой общей характеристике особо останавливаться на *роли автономных правительств и учреждений, провинциальных советов и муниципальных властей, на том огромном значении, которое должны иметь рабочие и крестьянские профсоюзы, творческие ассоциации, организации торговцев и промышленников в отношении участия этих классов и социальных групп в руководстве страной*.

Социально-экономический совет

Важным элементом новой демократии является создание Социально-экономического совета — как центрального, так и подобных органов на местах, наделенных действительными полномочиями по выработке и осуществлению общего и местных хозяйственных планов.

Мы против учреждения сената. Место второй палаты парламента в системе экономической и политической демократии должен занять Социально-экономический совет, состоящий из представителей каждого из вышеупомянутых социальных слоев и классов, избранных демократическим путем членами соответствующих профсоюзов и социально-экономических объединений. Разумеется, банки и национализированные отрасли промышленности тоже будут представлены в этом Совете, и распределение мест в нем будет определяться не ролью капитала, а подлинным значением различных классов и социальных групп в производстве.

Экономическое содержание политической и социальной демократии

Ясно, что не менее важное значение, чем политическая структура новой демократии, имеет ее содержание, ее экономические и социальные учреждения. *Политическая и социальная демократия, как мы ее понимаем, не может быть не чем иным, как переходным строем между государственно-монополистическим капитализмом и социализмом.* Утверждая, что будущий строй не должен быть ни продолжением нынешнего режима в другой форме, ни возвращением к прошлому, то есть к республике 1931 года, мы, коммунисты, выдвигаем не непродуманный политический лозунг, вызванный обстоятельствами момента, а выражаем нашу четкую и рациональную концепцию в отношении будущего. Республика 1931 года сочетала формальную демократию, правление неолигархических классов с сохранением экономической структуры и государственного аппарата финансового капитала и помещичьей аристократии. Поэтому подлинная власть находилась больше в руках этих групп, чем законного правительства. Каждая робкая демократическая реформа наталкивалась на сопротивление тайных сил, в руках которых находилась действительная власть. А затем эти силы поднялись и покончили с формальной демократией. Поэтому речь не идет о том, чтобы повторить опыт Республики 1931 года.

И тем не менее мы, коммунисты, стоим за республику. Для нас республика является синонимом демократии в Испании.

Но республика завтрашнего дня должна существенно отличаться от Республики 1931 года. Политическая демократия должна быть укреплена и расширена на базе осуществления экономической демократии. Ее содержание на данном этапе — антифеодальное и анtimoнополистическое. Это значит, что ближайшей целью должна быть ликвидация крупных латифундий и крупных помещиков и земледельческой аристократии как класса. Если, как мы этого желаем, это преобразование произойдет мирным путем, мы будем готовы пойти на выплату компенсации за эти земли на основе предложе-

ния, сделанного в докладе Хуана Гомеса¹ в 1957 году, или другой аналогичной формулы. Но это будет зависеть не только от нас и от других демократических сил, но и от позиции самих землевладельцев.

Что означает эта мера? Что 50 тысяч крупных землевладельцев, семьи которых в течение веков вели паразитический образ жизни за счет труда, эксплуатации и нищеты нескольких миллионов мелких собственников и арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, должны будут отказаться от своих привилегий в пользу этих миллионов трудящихся. Разве это не демократично? В чем больше заинтересована страна? В том, чтобы сохранить дедовские позорные привилегии 50 тысяч семей, или в том, чтобы создать лучшие условия жизни для нескольких миллионов семей, то есть примерно для 40 процентов населения Испании? Так стоит вопрос, и ответ на него не должен вызывать сомнений у демократа.

Кроме того, эти крупные земельные владения в значительной степени не обработаны или обрабатываются плохо. Они дают ничтожную долю того, что могли бы приносить при хорошей обработке. Капиталы, которые крупные помещики получают в качестве земельной ренты, не используются для развития сельского хозяйства; они бессмысленно растрачиваются или используются на спекулятивные финансовые операции. Декапитализация сельского хозяйства происходит частично от полуфеодалского характера собственности. Аграрная реформа покончит с этим положением, подняв уровень жизни сельских масс, приведет к новому расширению внутреннего рынка, необходимого для здорового и быстрого развития народного хозяйства.

Необходимо подчеркнуть, что первейшая проблема аграрной структуры в Испании (что бы ни говорили «технократы» и другие лица, которым выгоден нынешний режим) — это не проблема минифундии, которая вытекает из монополии земельной собственности в руках кучки крупных помещиков. Чтобы решить проблему минифундии, создать по всей стране сеть рентабельных и продуктивных сельских хозяйств, нужно прежде всего покончить с латифундией и дать землю тем, у кого ее мало или нет совсем.

Отсюда наш лозунг: «Землю — тем, кто ее обрабатывает». И тот, кто обрабатывает землю, должен решать вопрос о том, как обрабатывать ее — индивидуально или коллективно. Это решение должно приниматься в каждом отдельном случае демократическим путем, а не навязываться крестьянам сверху. Что касается некоторых крупных владений, в которых применяются капиталистические методы ведения хозяйства, то лучше всего их использовать, несомненно, коллективно.

¹ Видный экономист Коммунистической партии Испании.

В других случаях отдельные производители будут объединяться в различные кооперативы в зависимости от их интересов и интересов производства.

Но и для развития настоящего кооперативного движения необходимо покончить с крупной помещичьей собственностью и установить подлинную демократию. Сегодня в Испании существует очень мало подлинных кооперативов. Большая часть тех объединений, которые носят названия кооперативов,— это просто акционерные общества, руководимые крупными землевладельцами и превращенные в их доходное дело. Крестьянин чувствует себя в них посторонним, ничего не значащим лицом. Он почти не видит результатов своего труда. А между тем франкистские заправилы ведут борьбу между собой за долю прибылей от этой столь странной формы кооперативного движения.

Деревня нуждается также в помощи и защите со стороны государства — подлинной помощи для индустриализации, распространения культуры, здравоохранения, благоустройства.

Может быть, один из наиболее важных выводов, который можно сделать из опыта этих десятилетий, состоит в крахе «прусского пути», как его называл В. И. Ленин, в качестве пути развития сельского хозяйства Испании. В нашей стране, за исключением короткого промежутка войны, был испробован именно «пруссский путь», то есть превращение полуфеодалного сельского хозяйства в капиталистическое, не затрагивающее структуры собственности. Но этот путь привел к кризису сельского хозяйства, к его декапитализации, забрасыванию земель, к застою производства, к тому, что сельское хозяйство ныне представляет собой главное препятствие на пути экономического развития страны.

Мы не говорим уже о трагедии крестьянских семей, вынужденных покинуть свои земли; семей, которые распались в результате эмиграции; о нищете и безработице тех, кто остался в деревне. Положение в деревне становится все более и более невыносимым. Гнев и возмущение могут вызвать движения протеста и отчаяния. Мы, коммунисты, никогда не скажем крестьянам, чтобы они примирились с нынешней формой развития, что «можно жить, как они живут сейчас». Кто говорит так, тот не имеет ничего общего с нами. Мы будем говорить и говорим крестьянам: *нужно протестовать, нужно бороться и выходить на улицу. Вон лежат земли крупных помещиков: требуйте, чтобы вам их отдали!*

В общем новая демократия должна будет начать с ликвидации латифундий, с оказания помощи сельскому хозяйству, с развития местной перерабатывающей промышленности, связанной с деревней, с внесения в деревню культуры, здравоохранения и благоустройства. Вот задача, способная

вызвать энтузиазм, осуществление которой умножит активные силы демократии при поддержке миллионов крестьян.

Все эти меры, по нашему мнению, не противоречат быстрой индустриализации страны. Наоборот, они расчищают почву от препятствий, мешающих ускорению темпов индустриализации.

Имея в виду тесную связь между помещичьей и финансовой олигархией и внутреннюю структуру господствующих групп, аграрная реформа сама по себе будет серьезнейшим ударом по всем ключевым позициям этих групп.

Но если демократия на этом остановится, если преобразования на селе не будут сопровождаться мерами, направленными на сокращение и в конечном счете устранение позиций монополистического капитала, то и сама аграрная реформа и все демократические завоевания окажутся под сильной угрозой.

Что это означает?

Это означает, что необходимо идти дальше, к действенной национализации банков и кредита, к национализации богатств недр, производства электроэнергии, крупных монополистических промышленных объектов, к передаче их под управление и администрацию государства и трудящихся. Эту национализацию можно провести без ущерба для интересов держателей акций, ибо они смогут продолжать получать проценты с прибылей на акции, которыми владеют до тех пор, пока по ним не будет выплачена компенсация. И, конечно, же, от национализации выиграют рабочие, техники и служащие.

Фактически значительная часть этих предприятий ныне существует на кредиты, пособия и привилегии, предоставляемые им государством за счет налогов, то есть за счет народа. Их преобразование и модернизация немыслимы без вложения значительных общественных средств. Зачем же по-прежнему удовлетворять интересы монополистических групп, которые получили огромные прибыли и вместе с этим оказались неспособными приложить серьезные усилия для капиталовложений и модернизации производства? Если эти расходы приходится нести государству, то почему же ему не взять на себя руководство? И это не было бы социализмом, это положило бы конец не капиталистической собственности, а лишь власти монополий. То, что обычно зовут океаном мелких и средних предприятий, что столь характерно для экономической структуры Испании, то на этом этапе экономической демократии они остались бы в руках их собственников, интересы которых не были бы ущемлены этими преобразованиями.

Переходный этап, который мы предусматриваем и называем либо политической и социальной демократией, либо

антифеодальной и антимонополистической демократией, в социально-экономическом отношении выглядит следующим образом. С одной стороны, кредит и основные богатства страны находятся в руках государства, которое их использует для регулирования и контроля экономического развития, для придания этому развитию демократического направления в соответствии с национальными и народными интересами и для того, чтобы воспрепятствовать всякому процессу частно-монополистической концентрации. Это не означало бы нарушения процесса централизации и концентрации экономики, характерного для современного производства. Процесс этот неизбежен и необходим для экономического развития; но он может быть осуществлен быстрее и рациональнее без капиталистических монополий, и, конечно, тогда выгоды от него получит исключительно народ. Демократическое государство с демократическим планированием превосходно выполнит эту задачу.

Наряду с этим основным национальным сектором будут существовать немонополистические отрасли промышленности и торговли, находящиеся в руках капиталистических собственников. Они будут действовать в рамках системы, которая предоставит им гарантии, которыми в настоящее время при системе государственно-монополистического капитализма они не обладают. Они будут производить на основе общего демократического плана, который обеспечит быстрые темпы развития, что откроет перед ними широкие возможности. Доступ к кредиту для них не будет затруднен банками, корыстно предпочитающими финансировать свои собственные предприятия, и будет устранена опасность финансового удушья, которое сегодня угрожает на каждом шагу немонополистическим предприятиям. Эти социальные круги будут иметь своих представителей в Социально-экономическом совете, в парламенте и в правительстве, свои собственные органы информации, свои ассоциации; они смогут заставить уважать свои интересы, как все остальные социальные слои.

На селе вместе с хозяйствами семейного типа и другими предприятиями буржуазного типа будут сосуществовать кооперативы той или иной степени развития и передовые сельскохозяйственные коллективы, опирающиеся на соответствующую организацию государственного кредита, снабжения машинной техникой, ядохимикатами и т. д.

Будут ликвидированы все монополистические посредники между производителем и продавцом и установлена система, сочетающая прямые связи между производителем и продавцом, производителем и потребителем во всех необходимых случаях, с сетью торговых предприятий, организованных кооперативами, государством или автономными органами и непосредственно контролируемых заинтересованными лицами.

Этап антифеодальной и антимонополистической демократии, несмотря на исторически преходящий характер, может продолжаться значительный период времени. Рабочий класс заинтересован в том, чтобы переходный период происходил при возможно меньшей дезорганизации производительных сил и сферы обслуживания. Опыт других революций показывает, что когда реакционным монополистическим группам удастся столкнуть демократическую власть с другими буржуазными слоями, когда по тем или иным причинам торопятся с обобществлением всех средств производства и обмена, то это влечет за собой в течение иногда длительного периода дезорганизацию определенных секторов производства и обслуживания, от которой страдают в первую очередь народные массы. К тому же происходит утечка технических и творческих кадров. Получается, что для трудящихся невозможно за один день сменить весь экономический аппарат старого общества.

Исходя из накопленного исторического опыта и учитывая вес социализма в мире, испанская революция в нынешнюю эпоху может идти другим путем: через период политической и социальной демократии, который даст возможность росту новых основных отраслей промышленности без парализации и сокращения деятельности существующих отраслей и без ущерба для торговли и сферы обслуживания. Наступление этого периода станет возможным на основе сотрудничества рабочего класса, крестьянства, технических и творческих кадров, немонаполистической буржуазии, а также политических сил, выражающих интересы этих классов и слоев.

Этот этап создаст условия для постепенного перехода к социализму; но он еще не будет социализмом. Это будет новая антифеодальная и антимонополистическая демократия, при которой будут сосуществовать формы общественной собственности в основных секторах и широко развиты буржуазные и капиталистические формы собственности.

Постепенный переход таким путем к общественной собственности на все средства производства не будет результатом тех или иных мер экспроприации; развитие производительных сил будет ставить естественным образом вопрос о постепенном вытеснении мелкой и средней промышленности. Таким путем формы возмещения убытков и, главное, личного приобщения к новой, социалистической системе производства бывших собственников частных предприятий, с учетом их опыта и административных способностей, приведут к тому, что сам переход не станет трагедией ни для кого, за исключением лишь тех, кто силой попытается воспротивиться демократическому развитию.

Такова единственная реальная форма, в которой в Испании может развиваться революция в условиях свободы.

На пути этой линии развития, которую предлагают коммунисты, встанет монополистическая олигархия, как она это делала в прошлом даже с применением оружия и делает сейчас, находясь у власти. Монополистическая олигархия использовала, использует и будет использовать весь комплекс установившихся интересов, традиционных идеологических предрассудков, инстинктивно консервативных взглядов, нелепых мифов религиозного характера старого и «нового» антикоммунизма, существующих среди значительной части населения, с тем чтобы прикрыть ими основную задачу олигархии: защиту своих привилегий.

Речь идет о препятствии, масштабы которого нельзя недооценивать, о силе, которая будет упорно стремиться взять верх. Против нее предстоит еще вести трудную, тяжелую борьбу даже после того, как будет устранена диктатура.

Тем не менее, в связи с характером экономического развития Испании, в связи с тем, что путь создания финансовой и помещичьей олигархии и ее развития в настоящее время усеян столькими препятствиями и противоречиями, разумные боевые действия революционных сил могут привести через ряд промежуточных этапов к такому положению, когда по меньшей мере значительная часть немонополистической буржуазии будет вынуждена избрать демократический путь как более приемлемый для себя, чем путь монополистический.

Экономическое развитие как конкретное историческое явление и как «идеология» империализма и господствующей олигархии

Некоторые особенности экономического развития Испании

С самого начала капиталистического развития в прошлом веке слабая испанская буржуазия вынуждена была уступить главную роль в капиталовложениях иностранному капиталу: французскому, английскому, бельгийскому. В соответствии с рыночным спросом и интересами иностранного капитала развивалась добывающая промышленность. Наряду с шахтами, железными дорогами иностранный капитал прибрал к своим рукам зарождавшуюся черную металлургию, кредит, предприятия сферы услуг — все, что представляло интерес в Испании и что предприимчивая и сильная буржуазия использовала бы для преобразования и модернизации экономики страны.

В целях обеспечения устойчивости положения иностранный финансовый капитал привлек к участию в своих предприятиях таких видных представителей помещичьей аристо-

кратии, как маркизы де Альканьисес и де Пералес, Уркихо, герцоги Альба, Осуна, Санлюкар и т. д. Таким образом, помещичья аристократия тесно связывается с финансовым капиталом, не утрачивая, однако, своего феодального, паразитического характера.

В результате проникновения иностранного капитала в Испании остается лишь ничтожная часть коммерческой стоимости добываемых полезных ископаемых.

Лишь в ходе первой мировой войны испанскому капиталу удалось частично или полностью выкупить многие из иностранных предприятий. Но, по мнению известного экономиста Тамамеса, иностранный капитал и сегодня контролирует через третьих лиц весьма значительную часть нашей промышленности. Говоря о плане экономического и социального развития и о предусматриваемых им вложениях иностранного капитала, Тамамес отмечает, что осуществление этого плана приведет к «передаче за четыре года в его руки наиболее важной части испанской промышленности». Отсюда возникает опасность «уже происходящего, как будто, свертывания инициативы наших предпринимателей».

Проникновение иностранного капитала по-прежнему в значительной мере препятствует росту национальной экономики, предопределяет ее развитие. Современные последователи американского экономиста Ростоу делают чрезвычайно оптимистические прогнозы, полагая, что иностранные тресты предоставят нам свою «самую современную технику» и создадут таким образом условия для рывка. В действительности же чрезмерная зависимость от иностранной техники означает серьезное препятствие для развития страны, ибо патенты предоставляются без права на экспорт, исключительно для внутреннего рынка, причем это отнюдь не самые новые патенты. В передовых странах они уже широко были использованы и теряют свою научно-техническую ценность.

Положение Испании как государства-должника, обираемого горсткой особенно богатых и могущественных государств, о которых говорил В. И. Ленин, является одной из главных причин экономической отсталости страны.

Наряду с этим имеется и другое серьезное обстоятельство, сдерживающее наше развитие. Вместо буржуазно-аграрной революции в Испании имело место отчуждение неиспользуемых земель. Феодальная структура землевладения не подверглась преобразованию в соответствующий исторический период. Без поддержки молодой, развитой сельской буржуазии испанская буржуазия не смогла в свое время стать господствующим классом; она вынуждена была разделить власть с помещичьей аристократией и примириться с препонами, которые ставились таким образом ее развитию. Отсутствие буржуазной революции мешало широкому развитию внутреннего

рынка, служившего в других странах основой роста капиталистической экономики.

Имевшее место отчуждение затронуло земли королевской семьи, церкви и общественного пользования, не коснувшись помещичьей аристократии. Последняя сохранила и даже увеличила свои поместья. К тому же появились новые крупные землевладельцы, спекулировавшие на отчуждении. Хотя отчуждение и дало определенные результаты в смысле изъятия земли из «мертвых рук» и превращения ее в товар, оно означало не революционную политику буржуазии, желающей ускорить свое развитие, а просто финансовое мероприятие короны, направленное главным образом на покрытие расходов по династическим и колониальным войнам.

Полуфеодальный характер сельского хозяйства Испании сохранился в значительной степени вплоть до наших дней. В 1936 году Республика передала землю тому, кто ее обрабатывает; однако в 1939 году с установлением франкистской диктатуры земли крупных поместий были возвращены их бывшим владельцам. Будь испанская монополистическая олигархия современной и умней, она сохранила бы республиканские реформы в сельском хозяйстве, открывавшие возможность ускоренного буржуазного развития на современном уровне. Но в силу своего двойственного, монополистически-помещичьего характера эта олигархия принесла в жертву интересы развития ради сохранения старинных привилегий аристократии.

Это предопределило в значительной мере то необъяснимое отставание в экономическом восстановлении страны, которое франкисты и отдельные поблекшие «марксисты» стремились объяснить «разрушениями периода войны», тогда как разрушения наряду с другими социальными факторами должны были бы объективно оказывать противоположное действие, а именно: стимулировать ускоренное развитие.

Мы указали две характерные черты развития капитализма в Испании: *его зависимость от иностранного капитала и его противоречия с помещичьей олигархией*. В силу этих особенностей Испания по-прежнему входит в число стран, эксплуатируемых горсткой наиболее развитых империалистических держав.

Испанский капитализм характерен также тем, что создание монополий происходило при наличии решающего влияния государственного протекционализма. Испанские монополии выросли не на свежем воздухе конкуренции, не в борьбе с ударами открытого рынка, не как следствие натиска энергичной, растущей буржуазии, а в искусственной теплой атмосфере. Промышленность создавалась для удовлетворения потребностей внутреннего рынка, урезанного и ограниченного структурой сельского хозяйства. По достижении

этого предела развитие останавливалось, монополии считали свою цель достигнутой. То же самое происходит в настоящее время с новыми отраслями промышленности. Все это усугубило паразитические черты испанского монополистического капитала. Его происхождение, материальная база и отождествление с помещичьей олигархией были и продолжают оставаться балластом, сдерживающим развитие.

Правда, за последние годы в Испании происходит экономический подъем, на котором основываются все усилия по его «идеологизации». На этот подъем повлияли различные факторы: экономическое оживление после принятия плана стабилизации, стимулированное ростом государственных капиталовложений, и главным образом необычайный рост туризма, который на время прикрыл неожиданным приливом долларов подводные рифы экономической структуры. К этому приливу прибавились денежные переводы сотен тысяч трудящихся — экономических эмигрантов и иностранные капиталовложения.

Не следует, однако, впадать в иллюзии. Прилив долларов может прикрыть на время подводные рифы, но они остаются и фактически становятся еще более опасными. Легкий доход от туризма ведет к развитию прежде всего сферы обслуживания и спекулятивных капиталовложений, обеспечивая известное расширение внутреннего рынка и определенное развитие, но в то же время он усугубляет и закрепляет структурные пороки, не побуждает капиталистов (скорее, наоборот) искать пути подлинного, всестороннего развития производительных сил. Это проявляется *не только в упорном сохранении существующей структуры сельского хозяйства, анахронизм которой признается почти единогласно, но и в том, что нынешний экономический рост происходит в традиционных рамках мелкого, ограниченного производства, работающего на внутренний рынок без учета современных исторических условий; что ширится океан мелких и средних предприятий, служащих базисом и одновременно содействующих неустойчивости монополистической надстройки.*

Кроме того, туризм, денежные переводы экономических эмигрантов и рост государственных капиталовложений (с сопутствующим резким увеличением налогов) представляют собой мощные инфляционные факторы, оказывая решающее влияние на затяжную, и все более серьезную неуравновешенность финансов и экономики.

В условиях современного капитализма биржа не является уже таким регулятором, каким она была на его предыдущих стадиях; тем не менее упорный кризис биржевых ценных бумаг служит верным показателем той неуверенности и скрытой тревоги, которые царят за фасадом процветания.

В конечном счете нынешний подъем не уничтожил про-

тиворечий, порожденных характером экономической структуры страны; в некоторых случаях он еще больше подчеркнул их, создал новые противоречия, новые причины социальных конфликтов. Эти противоречия особенно резко выступают в связи с развитием в передовых капиталистических странах производительных сил и тенденций к интеграции. Если бы Испании не приходилось бороться с конкуренцией и закабальвающей экспансией крупных экономических объединений и наиболее развитых государств, слабость и анахронизм ее структуры не носили бы столь очевидный, острый характер. Но что означает, например, трудный и медленный «прусский путь» развития капитализма в Испании в сравнении с неудержимым ростом современного капиталистического хозяйства в европейских и других странах? В то время, когда во многих государствах растут капиталовложения в целях развития сельского хозяйства, растет число тракторов и машин, мы в Испании имеем, по свидетельству всего мира, сравнительно самое декапитализированное сельское хозяйство. Традиционные продукты экспорта сталкиваются с жестокой и растущей конкуренцией на мировом рынке. Сельское хозяйство переживает упадок, в основном, не из-за неблагоприятных атмосферных условий, а в связи с обветшалостью своей латифундистской структуры и неспособностью нести бремя нынешнего монополистического развития.

Экспорт все более отстает от импорта, а таможенные барьеры сплошь и рядом продолжают повышаться в целях защиты промышленности, которая по-прежнему нуждается не то в теплице, не то в инкубаторе, чтобы избежать краха в результате конкуренции.

Хотя мы и являемся европейской страной, Пиренеи, как и раньше, представляют собой преграду, открытую лишь для туризма и для экспорта рабочей силы — только здесь испанские цены пока успешно конкурируют с иностранными. Тем не менее монополистическая Европа оказывает на пиренейский барьер давление, которому трудно противостоять. Это давление ничего не имеет общего с дружбой и сотрудничеством; оно ставит себе целью прежде всего завоевать испанский рынок для иностранных капиталов и товаров, не останавливаясь перед разрушением, в случае необходимости, основ нашей экономики. Не следует забывать, что все сладкие речи по поводу развития, исходящие из главных империалистических стран, прикрывают ту истину, что именно крупные капиталистические государства являются худшими врагами подлинного экономического развития отсталых стран. Недаром даже бывший министр торговли Ульястрес вынужден был признать это в одной из своих речей.

Курс монополистической верхушки на обход трудностей получил свое выражение в выступлениях ряда финансовых

магнатов, а также был с достаточной прямоотой определен Ульястресом. Замысел состоит в том, чтобы максимально ускорить процесс централизации и концентрации национальных богатств в руках финансовой олигархии. Философия Делейтосы с ее требованием резкого увеличения и без того уже баснословных прибылей банков и крупных предприятий содержит в себе синтез политико-экономической программы олигархии и ее правительства.

Эти проекты не осуществимы без нового значительного сокращения прибылей мелких и средних предприятий, монополистических секторов промышленности и торговли, без новой ломки предприятий данного типа. Продление монополистического пути развития в Испании означает страдания и лишения для немонополистических слоев населения, причем гораздо более суровые и невыносимые, чем для тех же слоев в передовых капиталистических странах.

Отсюда следует: мелкая, средняя буржуазия, вся немонополистическая буржуазия встанет перед выбором — либо согласиться с перспективой создания антифеодальной и антимонополистической демократии, сосуществуя и сотрудничая с формами капитализма демократического государства в течение длительного времени, когда их интересы будут гарантированы с перспективой постепенного включения в личный и семейном плане в будущие формы социалистического хозяйства, либо обречь себя на страдания по законам джунглей, бесславно погибнуть под жестокими ударами крупных финансовых и промышленных компаний, которые цинично провозглашают стремление к новым грабежам.

Решиться сделать выбор в пользу антимонополистического, антифеодального пути нелегкое дело; немонополистическая буржуазия не может пойти на это сразу и легко. Она подойдет к такому выбору постепенно, под влиянием жестких мероприятий и разорительной конкуренции монополистического капитала, борьбы трудящихся масс, которая приблизит и сделает реальной необходимость и неизбежность демократического пути. Чтобы облегчить немонополистической буржуазии выбор, пролетариат должен будет проводить умную, правильную политику ограничения возможностей политического маневра со стороны монополистического капитала. Выбор будет также облегчен, если из среды данных слоев появятся разумные, передовые политические деятели, способные создать и разработать концепцию, основанную на возможностях и реальных интересах этих слоев с учетом хода исторических событий, которая в конкретных специфических условиях нашей страны поведет их по пути сотрудничества с силами трудящихся.

В полемике о проблемах экономического развития Испании наряду с более или менее удачными научными исследо-

ваниями и анализом есть и значительная доля идеологической мистификации, за которой скрывается политико-социальный волюнтаризм. В таком волюнтаризме обвиняли и нашу партию, цепляясь за нашу критику развития испанского капитализма; те, кто некогда считал себя нашими товарищами, договорились до того, что-де мы отрицаем капиталистическое развитие и основываем всю нашу политическую стратегию на отрицании этого развития и на катастрофическом развале экономики.

Мы, как марксисты, не отрицаем и не можем отрицать экономического развития. Но по сути дела полемика ведется не вокруг того — отрицать или подтверждать это развитие. Представлять вещи таким образом — не более, как наивная уловка. Сущность полемики состоит в следующем:

а) Устраняет ли нынешнее развитие по «прусскому пути» противоречие между полуфеодальной структурой сельского хозяйства и потребностями прогресса страны или же, напротив, это противоречие существует и в некотором роде усилилось, приобретая при этом новые черты в связи с отсталым характером и особенностями «прусского пути»?

б) Находится ли Испания на пути продвижения в первые ряды «особо развитых стран, стоящих во главе», или же ее отсталость и зависимость сохраняются и даже относительно усиливаются?

в) Является ли развитие по монополистическому пути настолько бурным и необычным, что оно само по себе ограничивает и преодолевает любое значительное внутреннее противоречие, обеспечивая долгие годы «самоподдерживающегося», «автоматического» развития олигархии, или же именно его ограниченность во времени и недостаточность, порождаясь или обостряемые им противоречия облегчают возможность противопоставить этому развитию такое демократическое движение антимонополистических классов и слоев, которое коренным образом изменит его направленность, приведет к демократической революции и демократическому развитию?

г) Как следствие, будет ли вместо «слома» нынешнего строя просто происходить длительная «постепенная эволюция» к более или менее выраженной «либерализации», как того желают сторонники «преемственности», или же, напротив, через ряд этапов произойдет этот «слом», прыжок от реакционного к демократическому строю, который разрушит преграды на пути волеизъявления народа?

Суть дела в том, что экономическое развитие и его пропагандистское восхваление были превращены в некую идеологическую и политическую линию защиты монополистического пути к «постепенной эволюции» диктатуры в сторону «либерализации» вопреки классовым, демократическим и антимо-

нополистическим позициям марксистско-ленинской партии и других прогрессивных сил.

**Разработать общие
линии плана демокра-
тического развития**

Мы будем решительно бороться против этой идеологии и этой политики, которые противоречат интересам трудящихся и народа, прямо противоположны марксизму-ленинизму и являются носителями наиболее путаного социал-демократического оппортунизма. Мы будем разоблачать противоречия этого развития, их антидемократический характер и будем использовать их для стимулирования демократического движения против диктатуры и помещичье-финансовой олигархии. И мы приложим усилия к тому, чтобы представить вместе с остальными демократическими силами нашу более четко и ясно сформулированную политико-экономическую программу демократического развития.

В этом смысле мы, коммунисты, считаем, что *настал момент выработать общие линии демократического плана экономического развития Испании*. В плане должно быть ясно указано, в каких отраслях промышленности следует концентрировать усилия по развитию и в каких районах должны быть расположены эти отрасли; какие конкретные меры надо принять для усиления и дополнения экономической инфраструктуры; какие культуры следует выращивать в тех или иных районах и какие ставить себе задачи; как, в каких районах и в каком направлении развивать животноводство; как развивать орошаемое земледелие, выработку и использование электричества и т. д. и т. п.

Таким образом, план должен наметить примерные направления и цели демократического развития экономики Испании в будущем. Причем речь идет не о том, чтобы противопоставить какой-то полный, законченный план франкистскому плану, ибо практически только государство обладает достаточными средствами для решения подобной задачи. Необходимо лишь определить общие черты плана, которые демократические силы, придя к власти, детализируют и довершат с помощью технических специалистов и которые станут основой политики правительства.

В настоящий момент даже выработка этих общих линий представляет значительные трудности. Идеальным было бы собрать на несколько месяцев в подходящем месте несколько десятков экономистов, инженеров, техников и других демократически настроенных специалистов всех направлений. С помощью необходимых материалов они разработали бы проект, который подвергся бы затем самому широкому обсуждению в стране с последующим внесением результатов обсуждения в окончательный проект.

В данный момент такая возможность маловероятна. Од-

нако наверняка можно поручить эту задачу группе специалистов-коммунистов и составить из них комиссию для выработки основ первоначального проекта. Разработку этих основ можно было бы разослать ряду экономистов, инженеров и техников всех политических тенденций и попросить их высказать свое мнение. Следующим шагом могло бы быть проведение конференции или семинара на возможно более широкой основе, для того чтобы выработать общий проект, который в дальнейшем был бы представлен на самое широкое обсуждение народа.

Это мы должны попытаться сделать в ближайшем будущем. *Такого рода план был бы лучшей программой Коммунистической партии и демократических сил, которую они смогли бы предложить народу на ближайший период, знаменем сотрудничества и единства народных масс.*

При выполнении этой задачи мы должны внимательно изучить идеи таких видных деятелей прошлого, думавших о прогрессе Испании, как Флоридабланка, Ховельянос, Коста, Флорес Эстрада, Кольмейро, Бенис, Гаскон, Перпинья Грау, Флорес де Лемус, Каррьон Лоренсо Пардо и другие, которые, несмотря на свои подчас консервативные взгляды, правильно ставили много проблем, до сих пор актуальных для Испании. В их работах, без сомнения, мы найдем предложения, идеи и мысли, полезные с точки зрения наших целей. Испания завтрашнего дня, за которую мы боремся, не должна пренебрегать культурным наследием прошлого, людьми, чей подход к национальным проблемам отличался проницательностью и иногда носил пророческий характер, хотя их слова были в то время гласом вопиющего в пустыне, ибо они обращались к господствующим классам и не могли связаться с народом и найти в нем поддержку.

Внешняя и военная политика новой демократии

Следует хотя бы вкратце остановиться на военной и внешней политике будущего демократического государства. Продвижение к антифеодальной и антимонополистической демократии потребует приспособления государственного аппарата к демократическому характеру этого строя. Потребуется также какая-то военная политика, новая национальная военная доктрина. Не претендуя здесь на ее разработку, скажем, все же, что *до тех пор, пока борьба за разоружение не увенчается успехом, Испания не откажется от армии.* Мы не сторонники упрощенного антимилитаризма. Нынешняя

официальная военная доктрина основывается на включении Испании в блок НАТО как дополнительной силы и как стратегической базы империализма в случае войны против Советского Союза и других социалистических и антиимпериалистических стран; она зиждется также на собственной франкизму концепции *армии-жандарма*, которая оккупирует страну и поддерживает «общественный порядок».

Отправным моментом новой национальной военной доктрины должно быть то, что *единственной целью армии, которую кормит и содержит нация, будет защита целостности национальной территории и ее независимости, что армию необходимо освободить от всяких функций по поддержанию «общественного порядка»*. Ее вооружение должно изготавливаться по возможности национальной промышленностью, а в случае необходимости обращения к иностранной державе следует исходить из принципа эффективности и экономичности военной техники, а не принадлежности к тому или иному военному блоку.

В области внешней политики интересы демократического государства будут состоять в том, чтобы разнообразить и расширять экономические, политические и культурные отношения как с социалистическими, так и со всеми без исключения капиталистическими странами и странами «третьего мира».

В этой связи следует сказать, что демократическое государство, в правительстве которого будут находиться коммунисты, не было бы *по своей инициативе* государством, проводящим «антиамериканскую» политику. Это государство будет совершенно независимым, и его могут привести к столкновению с интересами Соединенных Штатов или любого другого государства только попытки вмешательства в наши внутренние дела или угроза международному миру и принципу самоопределения народов. Конечно, демократическое государство должно было бы дипломатическим путем провести переговоры о ликвидации существующих ныне иностранных баз на его территории и об отмене военных соглашений.

Создание подобной политической обстановки — такова перспектива в Испании, причем перспектива, пожалуй, не отдаленная. Никакая угроза извне не сможет в конечном счете свернуть испанский народ с пути к независимому и демократическому решению, которое в Испании немыслимо без участия коммунистов и тем более против них. В нашей стране империализм не сможет сделать того, что он делает в Доминиканской Республике. Иностранная агрессия встретила бы единодушный отпор всей страны и явилась бы прежде всего опасной угрозой миру во всем мире.

Ни мы, ни другие испанцы, достойные быть ими, не допустили бы никакого иностранного вмешательства при определении того, какое правительство и какой режим страна за-

хочет иметь в условиях полной независимости. Каждый должен быть хозяином в своем доме. Мы, испанцы, хотим быть хозяевами в своем доме.

Испания заинтересована в установлении более тесных и прочных отношений с соседними странами. Не вдаваясь во внутренние мотивы, которые определяют внешнюю политику генерала де Голля, мы хотим сказать, что эта политика была бы благоприятной основой для развития и улучшения отношений между Испанией и Францией. Оба народа связаны великой дружбой. Их солидарность находила свое подтверждение в различных исторических ситуациях, таких, например, как война 1936—1939 годов в Испании и сопротивление гитлеровским агрессорам во Франции. В настоящее время великая Французская коммунистическая партия и другие демократические силы соседней нам страны с чувством большой солидарности поддерживают дружбу между обоими народами.

Антифеодальная и антимонополистическая демократия, при которой государство и народ располагали бы необходимыми средствами для защиты национальных интересов и ведения переговоров на основе подлинного равенства, могла бы приступить к изучению вопроса об условиях возможной ассоциации с европейскими экономическими организациями. Мы отдаем себе отчет в сложности этой проблемы, в необходимости избегать всякой ситуации, опасной для национальных интересов. Но именно новая демократия создаст новые условия и возможности, которыми не следует пренебрегать. В то же время, несомненно, что создание демократического государства в огромной степени способствовало бы развитию условий товарообмена и открытию доступа на рынки социалистических стран и многих стран «третьего мира» и позволило бы гораздо легче решать бесчисленное множество порой весьма серьезных проблем для наших экспортеров.

Отношения с церковью

Как мы представляем себе отношения демократического государства с испанской церковью и с Ватиканом?

Принцип отделения церкви от государства, из-за которого в прошлом чуть ли не возникали гражданские войны, этот принцип сама церковь начала признавать после Вселенского собора как необходимый и полезный. Стало быть, отделение церкви от государства уже не вызвало бы раздора или конфликта и осуществилось бы в обоюдных интересах.

Принцип религиозной свободы, который включает во всей своей широте свободу совести, в том числе и свободу атеизма, признан Вселенским собором, и его утверждение не должно вызвать трудностей.

Проблема, которая может породить конфликты, кроется в свободе просвещения. Наше мнение заключается в том, что государство должно создать условия для развития широкой сети отечественных школ, институтов и университетов, которые в полной мере удовлетворяют потребности образования. Одновременно государство должно сохранять свободу для желающих посылать своих детей в католические школы и университеты, разрешив их функционирование.

Церковь будет пользоваться полной свободой в отправлении культа и в осуществлении присущей ей деятельности без вмешательства государственных властей. Как предусматривается программой нашей партии, могут быть установлены формы дотаций служителям культа. Религиозные ордена не будут подвергаться притеснению.

Государство приложит усилия к тому, чтобы поддерживать атмосферу сосуществования, основанного на уважении, и в определенных аспектах на сотрудничестве с церковью.

Узы церкви с Ватиканом являются делом, которое не входит в компетенцию государства. Государство как таковое должно поддерживать дипломатические отношения с Ватиканом и провести в течение необходимого для этого срока переговоры о заключении нового Конкордата, который более, чем нынешний, соответствовал бы духовным интересам церкви и интересам государства.

В лоне церкви прокладывают себе дорогу современные направления, которые лучше учитывают реальную действительность нашего времени и не хотят, чтобы церковь находилась среди обреченных историей, реакционных классов. Подтверждение этих направлений способствовало бы установлению добрых отношений между церковью и испанским демократическим государством.

Борьба Коммунистической партии за единство антифранкистских сил

Подытоживая все вышеизложенное, можно сказать, что наша партия разработала всестороннюю концепцию политического, экономического и социального развития Испании, четкую и ясную стратегическую и тактическую линию борьбы за свободы, за политическую и социальную демократию, за завоевание власти трудящимися массами в целях построения социализма. Из сказанного также ясно следует, что движущими силами революции на нынешнем этапе являются пролетариат, крестьянство и средние слои и что в качестве их потенциального союзника выступает немонополистическая буржуазия.

Столь различные силы объединятся и выполняют свою роль путем борьбы за политические свободы и, завоевав их, путем дальнейшей борьбы за расширение и развитие демократии в политической, экономической и социальной областях. В силу исторических обстоятельств в Испании политические свободы являются оружием революционной, антифеодальной и антимонополистической борьбы. Таким образом, решающая задача состоит в том, чтобы повести массы на борьбу за эти свободы и за их расширение и развитие в экономической области. На этот рычаг опирается вся наша всеобъемлющая концепция. Разумеется, не все социальные слои и силы, которые неизбежно примут участие в революционном преобразовании нашей страны, обладают такой полной концепцией развития страны, как мы. В противном случае революционным авангардом была бы не компартия, а весь народ в самом широком смысле. Однако если такое положение и создается, то только после победы революции. Пока же надо шаг за шагом, от этапа к этапу вовлекать эти слои во все более сознательную, последовательную борьбу, преодолевая в ходе самих действий различия, расхождения во взглядах одних и других. Нечто подобное начинает — только начинает — пробивать себе дорогу.

Мы исходим из перспективы осуществить весь этот процесс вплоть до победы без гражданской войны, путем решительной борьбы масс в сочетании с политическими действиями внутри демократических организаций, когда они будут созданы. Такова наша цель; она основана не на идеализации процесса, а на реалистической оценке данной возможности. Эту нашу позицию мы неоднократно разъясняли.

Конечно, наличие возможности еще не значит, что она непременно превратится в действительность. Не все зависит от нас. Играть роль и другие факторы. В этом отношении немало будет зависеть от того, сумеем ли мы обеспечить понимание и поддержку нашей позиции со стороны монополистических слоев, или от того, какую позицию займут реакционные монополистические группы. Разумеется, нельзя исключать возможности того, что в определенный момент демократическим силам могут навязать необходимость *ответить на реакционное насилие революционным насилием*. Так уж не раз бывало в истории Испании. И если это опять произойдет, то не потому, что мы перестали делать все возможное и невозможное, чтобы избежать этого. Даже если бы пришлось в крайнем случае прибегнуть к этому методу для обеспечения наиболее благоприятных условий, единственным путем остается все же тактика единства и борьбы масс, роста их сил, повышения революционной сознательности и боеспособности в процессе борьбы. Занимать сейчас иную пози-

цию — значит, попросту размахивать руками, впадать в «революционное фразерство».

Для того чтобы совершить демократические преобразования, необходимо проявлять разностороннюю инициативу для обеспечения совместных действий широчайших антифранкистских сил в борьбе за конкретные частичные цели. Используя эти совместные действия, следует постепенно создавать условия, которые в подходящий момент обеспечили бы возможность политического соглашения между этими силами с целью покончить с диктатурой и установить демократические свободы. Процесс, который должен привести нас — и уже приводит шаг за шагом — к такому результату, представляет собой, с одной стороны, диалог, дискуссию с другими группами и отдельными деятелями по проблемам настоящего и будущего. Однако одного лишь диалога еще недостаточно. Поэтому политические действия, борьба масс за свои требования, организация их движения являются, с другой стороны, важной составной частью данного процесса. В ходе него конкретно выявятся силы, готовые осуществить подлинно демократические преобразования в политической и социальной областях, обозначатся точки соприкосновения между ними и определятся контуры прогрессивного демократического блока, способного добиться поддержки большинства населения. Сегодня можно лишь наметить общие линии этого процесса политического развития, но не тактические моменты его осуществления.

Несомненно, существенную роль в развитии этого процесса сыграет наша способность использовать все возможности для объединения сил пролетариата и всех работников физического и умственного труда, или, говоря иными словами, для *создания прочного союза всех сил и течений социалистического типа*. Ставя так вопрос, мы учитываем, что наша партия является сегодня потенциально, а завтра будет на практике партией большинства среди этих сил. Однако, насколько можно в настоящее время предвидеть, не представляется, что наша партия будет единственной социалистической партией Испании. Надо считаться с существованием рабочей партии независимо от того, какого влияния она сумеет добиться. Вырисовывается также социалистическое течение католического толка; оформится оно или нет и как, мы пока не знаем. Могут возникнуть более или менее значительные течения синдикалистского типа, стремясь в духе аджорнаменто восстановить традиции Национальной конфедерации трудящихся. Нельзя заранее исключать и возможность существования других групп, высказывающихся за социализм. В наше время многие проявляют интерес к идеям социализма, хотя не все ясно представляют его себе.

Ставить сегодня в Испании задачу создания какой-либо

единой партии из всех этих тенденций представляется нереальным и может привести к обратным результатам. Такая партия скорее была бы не единственной партией, а подобием конфедерации, Социалистического фронта без идеологического единства. В любой момент эта партия могла бы развалиться или же превратиться из боевой партии действия в организацию нескончаемых внутренних противоречий. Кроме того, любая подобная постановка вопроса с нашей стороны могла бы быть истолкована сейчас как маневр, имеющий целью уничтожить, используя превосходящую силу и организаторскую способность компартии, все другие тенденции в рамках единой партии.

Нам незачем вызывать подозрения в этом отношении и в то же время важно обеспечить в любой момент свою самостоятельность, обеспечить марксистско-ленинской партии возможность подвергнуть критике другие социалистические группы, что совместно и с союзом и с совместной борьбой. Наше признание наличия других социалистических течений не означает отречения от позиций научного социализма, марксизма-ленинизма.

Перспектива союза всех сил пролетариата и всех работников физического и умственного труда в целях установления социализма в Испании с точки зрения существующего сейчас положения представляется более осуществимой в рамках какого-либо социалистического альянса, который в ходе своего развития со временем приобрел бы конкретную единую структуру на всех уровнях, способную обеспечить единство действий при сохранении идеологической, политической и организационной самостоятельности входящих в альянс партий и групп.

Такой альянс смог бы стать новой политической силой, более гибкой и оперативной, чем единая партия. Его программой могла бы стать платформа борьбы за создание социалистического общества в политическом и экономическом отношениях, не затрагивая идеологических вопросов, по которым каждая из сил придерживается различных взглядов. Эта программа была бы приемлемой как для коммуниста, так и для социалиста, католика или синдикалиста, коль скоро это сторонник социалистических форм и методов в политике и экономике.

Следовательно, создалась бы гарантия сохранения и независимости входящих в альянс партий и групп и был бы устранен всякий страх перед возможностью поглощения и ликвидации одних сил другими.

Проблемы социалистического единства в зависимости от конкретной обстановки в каждой стране могут ставиться по-разному. Даже в одной и той же стране их постановка может быть различной, определяясь данным историческим

уровнем. Правильное решение для одного места или времени может оказаться неправильным для другого места и иного времени. При определении линии следует всегда учитывать конкретную обстановку и реальные возможности.

Таким образом, наша партия может сегодня гордиться тем, что она выработала в основных чертах испанский путь развития к демократии и социализму, применив всемирное учение марксизма-ленинизма к конкретной действительности страны. При внимательном изучении наших документов любой член партии, любой активист легко поймет смысл ведущейся нами сегодня борьбы, не только ее антифранкистский характер, но и ее высшую цель — взятие власти трудящимися массами.

Для коммуниста важно ясно понять связь между задачей и действиями данного момента и борьбой за установление власти социалистических сил, то есть за исторически высшую цель. В своем лексиконе мы обычно называем это «ясно видеть перспективу». Такая ясность тем более необходима, что до конечной цели предстоит пройти еще длинный, тяжелый путь.

Когда в рядах Коммунистической партии отсутствует ясность по вопросу о связи между частными, повседневными, подчас незначительными, на первый взгляд, задачами и конечными целями, создается почва для серьезных внутренних кризисов и конфликтов. Когда объективные трудности данной ситуации, появление непредвиденных факторов, неспособность руководящих органов и партии в целом разобраться в них, косность и инертность взаимно усугубляют друг друга, противник, всегда подстерегающий каждый наш промах, нападает на нас, пытается разрушить, разложить наши ряды.

Та или иная коммунистическая партия может оказаться в какой-либо момент в подобной ситуации. Тогда противник на все лады кричит об «усталости», «склерозе», «недееспособности» партии.

После первой мировой войны имел место длительный период стабилизации и развития капитализма. Вызванный войной революционный кризис привел к победе социализма в одной стране, а не в нескольких, как предполагали коммунисты. Это обстоятельство было использовано для развертывания идеологического и политического наступления против коммунизма.

После второй мировой войны ряд более развитых капиталистических стран вступил в период стабилизации и подъема экономики, более продолжительный, чем предыдущий, что послужило основанием для экспансии неокapиталистической идеологии и нового антикоммунистического наступления.

В то же время социалистические и антиимпериалистические, национально-освободительные революции одержали выдающиеся победы; и если это подтвердило в целом правильность марксистского учения, то в определенных аспектах — в той мере, в какой зеленое дерево жизни значительно богаче и разнообразнее серой теории — действительность перешагнула через некоторые формулы, ставшие мертвыми догмами. Это богатое разнообразие, не вмещающееся в рамки формул и предвидений, о котором говорил еще В. И. Ленин и которое подтверждает, по существу, правильность революционного марксизма, также использовалось нашими противниками для шумихи по поводу «устарелости» и «поражения» коммунизма как теории и практики революции.

Представляется несомненным, что путь к социализму не может быть совершенно одинаков в Испании и Англии; во Франции и Италии быть таким, как в Швеции; в Греции таким, как в Голландии; в Португалии таким, как в Норвегии. Путь, который намечаем мы, годен для Испании. Каждая партия должна наметить свой собственный путь, используя всемирное учение марксизма-ленинизма применительно к конкретной, специфической обстановке в данной стране, а также используя все полезное из опыта других партий, но без копирования, без механического подражания. Разработка собственной стратегической линии, несомненно, связана с трудностями. Но не следует искать выхода из них путем поисков какой-то *общей, западной линии*, ибо на этом пути эффективного решения не достигнуть.

Разумеется, есть целый ряд задач интернационального характера, которые являются общими для всех коммунистических партий: защита мира, борьба против империализма, солидарность с борющимися народами и революционными классами, защита и развитие марксизма, пролетарский интернационализм и т. п. Для выполнения этих задач необходимы единство и сотрудничество всех партий.

Но выработку своей линии, проблем революции в своей стране в состоянии осуществить только каждая партия сама.

Что касается нашей партии, то она эту разработку в основном сделала, и это несмотря на то, что исторически теория никогда не была сильной стороной революционного рабочего движения в Испании. Нет сомнения, что эта разработка требует и будет требовать, пока мы не одержим победы, непрестанных усилий по ее углублению и развитию.

Я считаю, что нашей партии, несмотря на слабость полученного ею теоретического наследства и на отрицательные последствия периода догматизма, помогло богатство и разнообразие ее собственного политико-теоретического опыта, ее

истории, ее связь с массами и с реальной действительностью. На поражениях и превратностях судьбы учатся; в ходе их наша партия возмужала. Даже эмиграция, в которой многие из наших товарищей смогли непосредственно познакомиться с опытом других партий и народов и научиться у них многому, является, несомненно, фактором политического и теоретического обогащения наших рядов. С другой стороны, критика ошибок Сталина привела партию не к кризису, а к ее усилению. Мы сохранили и укрепили нашу веру в революционную силу масс, в партию, в великое дело коммунизма.

**Попытки вызвать кризис
в партии**

Успехи компартии отнюдь не огораждают нас от нападков и наскоков противника, который стремится опереться на наиболее колеблющиеся элементы, чтобы хотя бы искусственно создать кризисные явления в партии. Противнику благоприятствует порой тяжесть нашей борьбы и длительное господство диктатуры, которые порождают факторы нетерпения. И как ни парадоксально, ему могут также до известной степени способствовать и близость падения диктатуры, и острота, с которой противопоставляются два возможных пути развития Испании: монополистический и революционный, демократический.

Так мы столкнулись с двумя попытками вызвать кризис в партии, попытками, внешне противоположными, но по существу совпадающими. С одной стороны, имела место «левацкая» попытка, предпринятая со ссылками на мнимую необходимость прибегнуть к вооруженному насилию вопреки нашей тактике, которая была названа ими «соглашательской» и «правоуклонистской». Через год с небольшим от всего этого осталось пустое место. «Вооруженное насилие» не пошло дальше слов, применявшихся для борьбы с нами, и было заменено плохой копией нашей тактики, которую и предлагают сейчас в своих писаниях эти раскольники, сдоблив ее «революционными фразами». «Левацкая» затея провалилась, и те, кто взялся за нее, не знают теперь, как выпутаться. Что же касается тех, кто из честных побуждений, нетерпения, из-за непонимания или по неопытности одобрил эту позицию, мы должны заявить, что в случае их возвращения двери в партию для них остаются открытыми, при условии одобрения ими партийной дисциплины и готовности поддерживать ее единство и сплоченность.

С другой стороны, партия столкнулась с попыткой правоуклонистского и ликвидаторского толка, более опасной потому, что ее вдохновителями были два руководящих деятеля партии, которые оказались в изоляции в Исполнительном комитете и в Центральном комитете партии, а затем и во всех наших организациях в процессе дискуссии, которая была столь широкой и демократичной, сколь это возможно в пар-

тий, чья нелегальная деятельность проходит в условиях фашистской диктатуры¹.

Единство и сплоченность партии должны быть сегодня главной заботой каждого члена партии. Раз партийные органы приняли решение, его обязаны выполнять все члены партии. Это не означает принесение в жертву «свободы» и «свободы мысли» членом партии, а является выполнением партийного Устава, решения большинства.

В этой связи имеет большое значение *не допускать грубостей и оскорблений как по форме, так и по содержанию при внутрипартийной полемике. Любая невыдержанность может нарушить ход дискуссии и привести к разрыву.*

Сохранение единства и сплоченности, поддержание полнокровной внутренней политической жизни партии требуют от члена партии, независимо от его положения, полностью освободиться от запальчивости, амбиций, субъективных влияний, от личных симпатий и антипатий. Тот, кто во время дискуссии откапывает прошлые раздоры и личные обиды, справедливые и несправедливые, тот, кто остается под влиянием этих чувств, полемизируя по партийным вопросам, оказывает плохую услугу самому себе, а также партии.

Партия стремилась, и, думаю, не без успеха, решать все проблемы, которые вставали перед организациями как внутри страны, так и в эмиграции, активизируя деятельность главным образом организаций внутри страны. Таким образом, за исключением некоторых товарищей, все руководители партии, находясь внутри страны или вне Испании, работали и боролись. И они продолжают эту работу и борьбу. Те же, кто не мог ее вести, вопреки своей воле, в стране — я имею в виду период франкизма — жили все это время работой и борьбой партии в Испании. А когда партия сочтет нужным послать его в страну, он, не колеблясь, поедет туда.

Партия и интеллигенция

За последние годы в нашу партию пришли многие интеллигенты. Чтобы облегчить их вступление в наши ряды, мы ищем более гибкие организационные методы и формы, которые не использовались другими коммунистическими партиями. Мы стремимся свести до минимума опасности подполья и содействуем их вступлению в партию, которое в условиях подполья можно считать весьма значительным. Если бы мы перестали доверять интеллигенции, то и тогда не было бы необходимости закрывать перед ней двери партии. Было бы достаточно не создавать этих условий, подчинить их тем же организационным нормам, которым подчиняются все остальные члены партии.

¹ Речь идет о бывших членах Исполкома КЦИ Фернандо Клаудия и Хорхе Семпруне. (Прим. ред.)

Партия не накладывала никаких ограничений, не ставила никаких препон на творчество и профессиональную деятельность интеллигенции и деятелей искусств. Она не пыталась навязывать тому или иному автору ни темы, ни стили, ни школы. Каждый писатель, каждый деятель искусств писал и творил на те темы и так, как он этого хотел.

Партия не превратилась ни в искусствоведа, ни в литературного критика. Но, разумеется, *партия приветствовала такие реалистические произведения литературы и искусства, которые отражали так или иначе, в той или иной форме жгучие проблемы испанского общества и помогали направлять народ на борьбу.* Партия поощряет боевой дух в искусстве и литературе, но считает, что работники искусств и писатели — коммунисты продолжают оставаться ими, несмотря на то, что часть или все их произведения не вдохновляются конкретными мотивами и непосредственной борьбой. В соответствии с этим подходом партия полагает, что эти проблемы, тенденции и школы в искусстве и литературе непосредственно должны разрабатываться преимущественно самими литераторами, деятелями искусств и критиками. Партия также считает, что дискуссия должна развиваться между самими творческими работниками, что они совместно или каждый в отдельности искали и находили бы соответствующие пути для развития своего творческого таланта.

Нет никакой опасности в том, что различия в стиле, технике или школе превратятся в нашей партии в объект политической борьбы между руководством и интеллигенцией. Мы требуем от представителей интеллигенции и деятелей искусств — коммунистов, чтобы в политической, общественной борьбе, в защите нашей программы, в проведении нашей политической линии они выполняли свой долг, как его выполняют остальные члены партии.

Мы также не ставили никаких преград, которые могли бы затруднить работу людей свободных профессий, техников и ученых. Нам никогда не приходило в голову, да и не придет, заявить товарищу, чтобы он прекратил творческое сотрудничество с тем или иным лицом, работу в том или ином предприятии или учреждении, чтобы прекратил преподавание в том или ином университете, прекратил сотрудничать в той или иной газете. В условиях фашизма, да и просто в условиях капитализма человек свободной профессии не имеет свободы выбора рода своих занятий. То, что мы требуем, как и от любого трудящегося, — это выполнения своего долга члена партии.

Вопрос, который ставится перед нами, состоит в том, как организовать в литературных и артистических кружках, в университетской среде, в творческих ассоциациях и группах работу коммуниста по выковыванию единства, по организа-

ции и развитию общей борьбы против франкизма, защиты интересов своих коллективов, работу по пропаганде и вовлечению новых сил для дела, за которое мы боремся.

Партия старается в меру своих нынешних ограниченных возможностей оказать содействие прогрессивной интеллигенции и работникам искусств в распространении их произведений, в частности тех, которые по своему боевому содержанию не могут пробить себе дорогу в сегодняшнем испанском обществе. Правда, в этом плане мы должны сделать еще больше.

Но нельзя забывать также, повторяю, пределов, в рамках которых действует нелегальная партия. Непонимание этих пределов может вызвать в определенный момент некоторые осложнения.

Где партия должна еще много поработать, так это в области организации теоретической работы философов, экономистов, социологов и других специалистов. Здесь имеются серьезные и объективные трудности. Одна из них — это наше нелегальное положение и разобщенность, что сокращает возможности различных изданий и даже контактов со специалистами, проведение дискуссий с ними. И эта трудность не малая. Необходимо искать пути для ее преодоления, исходя из имеющихся возможностей, не поддаваясь чрезмерным иллюзиям.

Всеобщая забастовка

В заключение я хотел бы еще раз остановиться на вопросе о лозунге всеобщей политической забастовки и ее перерастания в национальную забастовку.

Как показала жизнь, те, кто предлагает отказаться от этого лозунга, практически предлагают отказаться от ликвидации диктатуры самим народом, демократическим путем, предлагают, чтобы мы предоставили свободу неокапиталистическим силам направлять в течение долгих лет жизнь страны, чтобы мы растворились как революционная партия и включились в монополистический путь развития.

Что касается этого лозунга, то речь идет не о том, легко или трудно его осуществить. Мы все убеждены в том, что это нелегкое дело. Речь идет о том, должна ли у пролетариата и демократических сил быть своя независимая политика или они должны подчиниться неокапиталистической политике олигархии, выступающей за «либерализацию».

Ответ марксистско-ленинской партии ясен. Его уже неоднократно давала наша партия. Мы должны реки и ручейки манифестаций, забастовок и других форм протеста собрать в единый большой поток *всеобщей политической забастовки, национальной забастовки, которая сметет режим диктатуры*. Никакие временные трудности не должны приводить коммунистов к утрате этой перспективы, которая может появиться

в ближайшем будущем. И мы без спешки, а также без промедления, должны активизировать свои усилия для ее приближения. Мы должны убедить массы в том, что диктатура, несмотря на свою слабость, не исчезнет без наших больших усилий, без боевых выступлений, без великой борьбы масс.

Мы должны хорошо подготовиться к этой новой фазе борьбы рабочих, студентов, крестьян, всех народных масс. События могут развернуться скоро. Мы должны быть готовы нацелить народные массы на всеобщую политическую забастовку и национальную забастовку, если сложатся соответствующие условия.

Вперед, к новым боям, к новым успехам! Только они приведут испанский народ к заслуженной победе над диктатурой!

15 коп.

**Индекс
70070**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1966**